

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г.г.
7 Декабря.

№ 17.

СОДЕРЖАНИЕ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. ГЕРМАНИЗАЦІЯ РОССІИ.
Н. ЛУГИНЪ. ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРАПОРЩИКА.
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. НАШЪ ЯЗЫКЪ.
В. Н. ДОСЪКИНЪ. ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ БЕЗГРА-
МОТНОСТЬ.
ПРОФ. К. ВОБЛЫЙ. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ЗЕМЕЛЬ-
НАЯ РЕФОРМА.

ПРОФ. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. СОВРЕМЕННЫЙ КРИ-
ЗИСЪ.
БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. ПОЛИТИЧЕСКІЙ МАСКА-
РАДЪ.
БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. В.
ЛУНАЧАРСКОМУ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

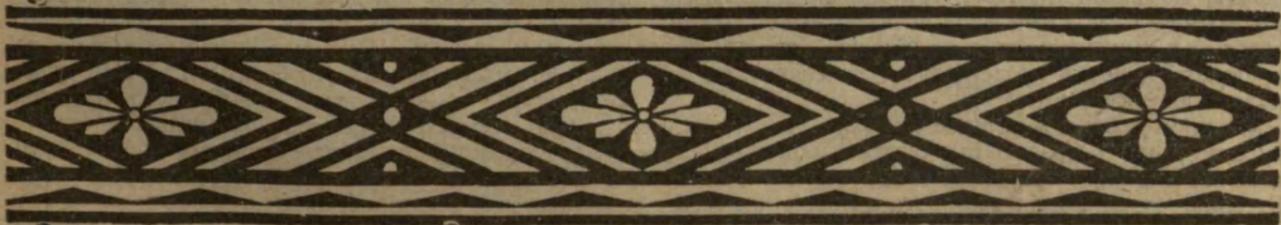
НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—8 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—40 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Смоленскій бульв. 8.
Тел. 3-97-14; 61-03 и 4-27-29.

ГЕРМАНИЗАЦІЯ РОССІИ.

Статья Н. Бердяева.

I.

Мы живемъ изо-дня-въ-день, не зная, что будетъ завтра. Темная бездна разверзается подъ нами и въ любой моментъ она можетъ поглотить всѣ оставшіяся у насъ блага и цѣнности. Трудно было бы установить закономерность въ переливахъ этихъ темныхъ хаотическихъ стихій и предвидѣть будущее. Вѣроятно, все случится не такъ, какъ мы думаемъ. Но одного не слѣдуетъ забывать. Россія — не изолированный островъ. Она — неотрывная часть мирового организма, связанная тысячами нитей съ жизнью другихъ народовъ. Разложение и гибель Россіи не могутъ быть безразличны для остального міра, для всѣхъ великихъ державъ и для всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣ заинтересованы въ судьбѣ такой громадины, какъ Россія. Если ослабленіе Россіи можетъ многихъ радовать, то полное разложение ея должно беспокоить. Это разложение безпокойно не только для нашихъ союзниковъ, но и для нашихъ враговъ. Германія сдѣлала все для ослабленія Россіи и разложенія ея во время войны: она воспользовалась русской слабостью и русской болѣзнью, русской тьмой и русской низостью, она не остановилась ни передъ чѣмъ въ коварной борьбѣ, не побрезгала самыми низкими, самыми гнусными приемами. И она преуспѣла, она нашла благоприятную почву въ пассивности русской народной стихіи, въ разлагающихъ идеяхъ русской интеллигенціи, въ предательствѣ кучки негодяевъ. Германія побѣждаетъ Россію въ тѣсномъ союзѣ съ разлагающими и растлѣнными силами, дѣйствующими внутри самой Россіи, черезъ измѣну русскаго народа самому себѣ, своей родинѣ и своей идеѣ въ мірѣ. Но нужно сказать, что и для самой Германіи небезопасно и нежелательно слишкомъ далеко зашедшее разложение Россіи. Русская анархія — большой соблазнъ. Для того, чтобы какъ слѣдуетъ эксплуатировать Россію, въ ней должны сохраниться какія-нибудь силы, хотя и подорванныя и потерявшія самостоятельность. Германія хочетъ германизировать Россію и постепенно превратить ее въ свою колонию. Эта — давняя ея цѣль. Но и сама Германія признаетъ небезопасными эксперименты анархическаго коммунизма въ Россіи. Небезопасными и не безразличными должны представляться эти опыты и для другихъ народовъ Европы, намъ дружественныхъ. Слишкомъ много интересовъ заложено въ Россіи, слишкомъ задолжала она, слишкомъ много соблазнительныхъ естественныхъ богатствъ скрыто въ Россіи. Намъ любятъ любовью кредитора. Полное обнищаніе Россіи отъ бредовыхъ анархическихъ экспериментовъ и окончательное выпаденіе ея изъ мирового гражданско-правового порядка представляетъ опасность и соблазнъ для всего міра.

Великій позоръ и великое униженіе для всякаго русскаго, не потерявшаго чувства національнаго достоинства, сознавать, что Россія, великая нѣкогда Россія, грозная Россія вступаетъ въ періодъ междунаrodnого и насильственнаго рѣшенія своей судьбы.

Мировое равновѣсіе не дастъ Россіи окончательно распасться и погибнуть. Столкновеніе и противоборство интересовъ великихъ державъ положитъ предѣлъ расчлененію Россіи. Но это утѣшеніе слишкомъ тягостно, оно уподобляетъ Россію Турціи, которая долго охранялась дипломатическимъ равновѣсіемъ. До этого предѣльнаго униженія и позора Великая Россія, мировая держава, объемлющая цѣлый огромный міръ Востоко-Запада, доведена тѣми, которые въ изступленіи революціоннаго шовинизма кричали, что русская революціонная демократія научитъ всѣ народы Запада свѣту интернационализма и революціоннаго социализма, братству народовъ и пр., и пр. Тѣ, которые требовали скорѣйшаго прекращенія войны и съ этой цѣлью разлагали армию, страшно затянули войну. Тѣ, которые провозгласили лозунгъ «безъ аннексій и контрибуцій» и «самоопредѣленія народовъ», уготовляютъ міръ съ очень тяжелыми аннексіями и контрибуціями и безъ всякаго самоопредѣленія народовъ. Тѣ, которые хотѣли революціонными фразами закидать весь міръ, отдали Россію въ рабство міру. Такова естественная кара за допущенную ложь и обманъ. Интернационалисты-германофилы любятъ говорить, что грозная Россія зависимость отъ Англии и Америки ничѣмъ не лучше, чѣмъ зависимость отъ Германіи. Лучше уже быть въ зависимости отъ того, кого любишь и кому служишь, т.-е. отъ Германіи. Держава ослабленная и внутренне расчлененная всегда будетъ въ зависимости и рабствѣ. А въ идею могущества Россіи и единства Россіи наши интернационалисты всегда считали буржуазно-империалистической. Воли къ могуществу Россіи не было у той революціонной демократіи, которая хотѣла вести за собой народы Европы, не было и сознанія достоинства Россіи. Ядъ интернационалистическаго большевизма дѣйствовалъ во всей революціонной демократіи, у всѣхъ этихъ меньшевиковъ и социалистовъ-революціонеровъ, и онъ подтачивалъ организмъ Россіи. Всѣ эти люди были патриотами революціи, а не патриотами Россіи, всѣ они спасали революцію, а не родину. Родину же они губили и каждый шагъ въ «развитіи и углубленіи» революціи превращался въ предательство и измѣну родинѣ, въ побѣду Германіи.

II.

Россія сдѣлалась немощной и безсильной отстоять въ международной борьбѣ не только какія бы то ни было задачи и идеи, но и собственную элементарную неприкосновенность и достоинство. Голосъ Россіи не можетъ быть слышенъ въ дѣлѣ мира. Миръ будетъ заключенъ за насъ. И никому Россія не можетъ помочь, никого не можетъ освободить. Тѣ самые люди, которые въ международной борьбѣ не признавали нужнымъ существованіе сильной арміи и считали достаточнымъ дѣйствовать словами, въ борьбѣ внутренней опираются исключительно на штыки. Дезорганизованная и обезсиленная армія превратилась въ орудіе братоубійственной гражданской войны. Антиими-

литаристы превратились въ самыхъ крайнихъ милитаристовъ. Цѣль, которой добивалась Германія, достигнута: война прекратилась на фронтѣ и перенеслась въ тылъ, русскіе перестали воевать съ нѣмцами и начали воевать съ русскими же. Послѣ этого Россія была окончательно ослаблена и русскіи народъ отдалъ себя на растерзаніе другимъ народамъ, судьба его поставлена въ зависимость отъ ихъ милости. Интернационализмъ не въ мировую ширь вывелъ Россію, а отгѣснилъ ее въ Азію. Мировая роль Россіи загублена. Славянскій міръ отступилъ передъ міромъ германскимъ, отдѣлившимъ насъ отъ Европы.

Какъ осмыслить все происходящее съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія? Происшедшая съ Россіей катастрофа есть лишь одинъ изъ этаповъ долгаго историческаго пути германизации Россіи, германизации славянскаго Востока. Это и есть историческая задача германскаго міра, поставленная имъ съ давнихъ временъ. Марксъ создалъ эту «миссію» германскаго народа не менѣе, чѣмъ самые правые германскіе империалисты. Разными путями добивался германизма осуществленія этой задачи: и духовными, и материальными путями. Прежде всего германизмъ поставилъ себѣ цѣлью ослабить русскую національную волю и русское національное сознание. И это производилось очень успѣшно на протяжении двухъ столѣтій. Соціально-демократическій интернационализмъ—одинъ изъ послѣднихъ этаповъ ослабленія русской воли, порабощенія русскаго ума. Германизмъ издавна отравлялъ русскую мысль и подтачивалъ русскую волю. Это происходило и на вершинахъ духовной жизни и въ низинахъ жизни матеріальной. Кантъ и Марксъ одинаково германизировали русскую душу. Мужественный германскій духъ былъ мужемъ для женственной русской души. Германизировалась русская государственная власть, германизовалась русская церковь въ синодальномъ строѣ, германизовалась русская интеллигенція, германизовалась русская экономическая жизнь. Къ тому времени, когда началась война и произошло столкновение міра германскаго и міра славянскаго, давно подготавливавшийся процессъ германизации Россіи уже далеко зашелъ, русская сопротивляемость была ослаблена. Мы потеряли свою идею. Мы все время вели войну нравственно двусмысленно. Эта двусмысленность одинаково была и въ правомъ, и въ лѣвомъ лагерѣ, и до революціи, и послѣ революціи. Геній націи мститъ за измѣну русской идеѣ. Германофилами были и русскіе черносотенники и русскіе соціально-демократы. И тѣ, и другіе готовы были предать Россію во имя торжества реакціи или торжества революціи, въ имя старой династіи Романовыхъ или новой династіи «революціонной демократіи». Мы скользили на грани сепаратнаго міра. Если одной изъ нравственныхъ причинъ паденія старой власти было предъявленное ей подозрѣніе въ предательствѣ и измѣнѣ Россіи, то въ тысячу разъ большее предательство и измѣну совершила революція въ предѣлѣ своего развитія—въ интернационализмѣ и большевизмѣ.

И страшнѣе всего то, что самъ русскій народъ въ своей огромной темной массѣ остался пассивнымъ, онъ превратился въ орудіе дѣйствующихъ черезъ него злыхъ силъ, направленныхъ на разрушеніе Россіи. Онъ поддался интернационалистически-большевистской пропагандѣ, какъ линія наименьшаго сопротивленія для своихъ непросвѣтленныхъ инстинк-

товъ. Онъ пошелъ за тѣми, кто дороже ему предложилъ, и продалъ свою душу. Онъ принялъ германскій ядъ совершенно безсознательно и пассивно, въ глубокой темнотѣ, не вѣдая, что творить. Онъ предалъ Германіи Россію, которая не ему одному принадлежитъ, но и его отцамъ и дѣдамъ, его сынамъ и внукамъ, всему тысячелѣтнему русскому народу и сотворившему Россію Богу. И онъ, этотъ темный народъ, страшно отвѣтственъ, такъ какъ нѣтъ совершенно безответственныхъ среди людей, сотворенныхъ Богомъ. Но самая большая отвѣтственность падаетъ на ту революціонную интеллигенцію, полупросвѣщенную и одержимую, которая приняла и распространила по всему организму Россіи германскій ядъ подъ соблазнительнымъ наименованіемъ интернационализма.

III.

Русскій интернационализмъ есть лишь обратная сторона германскаго націонализма, лишь одинъ изъ способовъ германизации Россіи. Большевистскій переворотъ есть лишь моментъ въ процессѣ побѣдоносной германизации Россіи, окончательный крахъ русской воли и затменіе русскаго сознанія. Не случайно наши интернационалисты такъ любятъ врага нашего Германію и такъ не любятъ союзниковъ нашихъ Англию и Францію. Они все время кричали о капиталахъ англійскихъ и французскихъ империалистовъ и сравнительно очень мало говорили о капиталахъ германскихъ империалистовъ. Интернационалистическая ориентация въ международной политикѣ на практикѣ всегда оказывалась ориентацией германской и антианглійской. Интернационализмъ есть удушливый газъ, выпускаемый германскимъ империализмомъ на другіе народы, обезсиливаетъ ихъ и создающій туманъ вокругъ нихъ. Надъ Россіей совершено страшное преступленіе, за которое будутъ расплачиваться долгія поколѣнія. Наши внуки и правнуки будутъ проклинать преступленія нашего революціоннаго поколѣнія, обреченія ихъ на обѣдненное и сѣрое существованіе. Это революціонное поколѣніе въ соціальныхъ кутежахъ и оргіяхъ размотало не ему принадлежащее богатство, а достояніе всего русскаго народа въ его ушедшихъ и грядущихъ поколѣніяхъ. Часть нынѣшняго поколѣнія предала Россію, обрекла на бѣдственное и рабье существованіе. Плохо кончились русскія утопіи, онѣ пошли на службу врагу родины нашей, обратились въ его послушное орудіе. Россія могла выйти изъ войны славной, сильной, свободной и дарящей свободу. Она завершила бы дѣло многихъ столѣтій, осуществила бы исконное стремленіе русскаго народа—получила бы свободный выходъ къ южнымъ морямъ, столь необходимый русскому хлѣбопашцу, рѣшила бы проклятый восточный вопросъ, вѣковѣчный источникъ войны, освободила бы угнетенныя народности, она сокрушила бы владычество германскаго империализма и ввела бы его въ границы. Но народъ русскій въ темной глубинѣ своей свободной воли загубилъ себя и свое дѣло въ мірѣ, онъ поддался дьявольскимъ соблазнамъ, онъ позволилъ злымъ силамъ изнасиловать себя, поддался обманнымъ обѣщаніямъ, лъстящимъ корыстнымъ инстинктамъ сегодняшняго дня. И Россія выходитъ изъ войны обезчещенной, ослабленной, несчастной и зависимой. За оргіи сегодняшняго дня послѣдуетъ жестокая расплата. Великое національное цѣлое есть источникъ жизни всѣхъ частей. Но это великое

цѣлое забыто и загублено самоутверждающимися частями. Россія распалась на атомы и каждый атомъ прозналъ себя богомъ.

Всякая зависимость унижительна и тяжела для Великой Россіи. Но зависимость отъ Германии особенно опасна и невыносима. Германия—нашъ могущественный сосѣдь. Германия давно уже стремится превратить Россію въ свою колонию. Германия обладаетъ исключительной способностью обезличивать тѣ народы, на которые распространяется ея влияние, она коверкаетъ ихъ душу. Германскій духъ страшно опасенъ для Россіи, онъ соблазняетъ русскихъ, онъ можетъ ихъ поработить. Германскій миръ—исконный врагъ міра славянскаго. Англія менѣе страшна намъ, она дальше отъ насъ, меньше притязаетъ на насъ, ея интересы менѣе противоположны нашимъ. Духовно она не можетъ поработать Россію, духъ ея не соблазняетъ русскихъ. Германия духовно сильнѣе Англіи и въ ней скрытъ опасный для русскихъ духовный ядъ. Также опасенъ и матеріальный ядъ Германии, то экономическое рабство, которое она принесетъ намъ, если выйдетъ побѣдительницей. Она свяжетъ насъ тысячами нитей. Нѣмцы будутъ разрабатывать наши богатства и превратятъ насъ

въ своихъ рабовъ. Духовное рабство влечетъ за собой матеріальное рабство. Безумна была мечта, что Германия послѣдуетъ призывамъ русской революціонной демократіи и произведетъ у себя социалистическую революцію! Нѣмецкіе социаль-демократы—мирные, культурные буржуа, они въ большей своей части вѣрные германскіе империалисты. Самъ Марксъ былъ германскимъ империалистомъ (см. мою статью «Германскія вліянія и славянство» въ № 6 «Народоправства»). Русская революція оттолкнетъ народы Запада своимъ темнымъ, восточно-азиатскимъ обличемъ.

Мы должны собрать всѣ силы нашего духа, собрать все, что осталось въ Россіи здороваго, свѣтлаго, вѣрнаго, всѣ остатки нашей національной воли и національнаго разума, чтобы противиться этому сатанинскому напору германизма извнѣ и изнутри. Пусть русскіе люди, сохранившіе вѣрность своей идеѣ, своей вѣрѣ, своимъ великимъ завѣтамъ, уйдутъ въ катакомбы, если зло окончательно восторжествуетъ на поверхности земли, и тамъ готовятся ко дню воскресенія Россіи.

Николай Бердяевъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРАПОРЩИКА-АРТИЛЛЕРИСТА.

Батарея стоитъ отъ меня въ 18 верстахъ. Вздить приходится съ ночевкой. Въ паркѣ я еще мало обжился, а потому уѣзжать часто пока какъ-то неловко. Все же я былъ и въ сочельникъ, и подъ Новый годъ на батарее. Тридцатого, не въ примѣръ 1914 г., шелъ дождь. 31-го я ѣхалъ на батарею безъ шинели въ одной кожаной курточкѣ и въ плащѣ. Грязь на дорогахъ стояла потопная. Воздухъ на вкусъ былъ совершенно весенній. Въ темно-шоколадныхъ лужахъ рябили и искрились солнечные лучи, а дали и лѣса прятались во влажныхъ туманахъ. Голова и ноги моей лошади, мокрая отъ дождя, казались «суше» и породистѣе обыкновеннаго, и я съ большимъ наслажденіемъ двигался по холмамъ и лощинамъ къ знакомымъ Шумлянскимъ высотамъ. Версты за 3 до штаба дивизіи я встрѣтилъ плѣннаго нѣмца, который сначала хотѣлъ было отдать мнѣ честь, но потомъ рѣшилъ лишь вытянуться и прошелъ мимо, «пожирая» меня глазами.

Потомъ на кавалерійскихъ носилкахъ провезли нѣсколько раненыхъ. Блѣдные и сосредоточенные они напряженно смотрѣли на дорогу, очевидно боясь, что ихъ вывернуть. Взглянувъ на нихъ, сразу вспомнилъ, какъ меня тянули вверхъ ногами въ нашемъ первомъ лазаретѣ въ Ригѣ и какъ выронили на лѣстницѣ; вспомнилъ, какъ, выгружая въ Псковѣ, просовывали на носилкахъ между колесами стоявшаго товарнаго поѣзда, и какъ я, вспоминая въ жару Анну Каренину, протестовалъ и боялся. Вспомнилъ свои ежедневныя путешествія «на перевязку» изъ второго этажа въ первый въ Псковѣ, въ Москвѣ,—и тутъ, и тамъ мимо громаднаго зеркальнаго окна, изъ-за котораго звалъ надолго «заказанный» миръ,—вспомнилъ всѣ свои ужасныя сосѣдства по перевязочнымъ столамъ, все темное отчаянье свѣтлыхъ, чистыхъ бѣлыхъ,

теплыхъ операционныхъ, ужасную привычку раненыхъ нюхать себя подъ одѣяломъ, не начинается ли зараженіе, и стало мнѣ очень скверно на душѣ, ахъ какъ скверно, Наташа...

Въ это время съ грязнаго, туманнаго лѣсистаго придорожнаго бугра солнце какъ разъ скрылось, раздался хорошо разученный мечтательный вальсъ. Корявые, бородатые заскорузлые и забрызганные грязью сибиряки въ подоткнутыхъ шинелишкахъ дули въ мѣдь и перебирали черными пальцами клапаны трубъ. Оркестръ готовился къ встрѣчѣ новаго года штабомъ дивизіи, куда была заказана музыка...

Ужасно мѣшаетъ писать гармонія за стѣной. Вспоминается дѣтство, «Кондрово», передъ глазами куда-то убѣгаетъ какая-то дорога. Медленно черезъ Угру плыветъ паромъ, пристяжныя переступаютъ ногами по дереву и позвякиваютъ глухарями. Солнце медленно садится. На берегу въ деревенькѣ гармонія заливается вотъ тѣмъ же «Баламутомъ», которымъ, никакъ не подозревая этого, перевертываетъ мнѣ сейчасъ всю душу Голощаповъ. Господи, Наташа, какая красота въ томъ, что жизнь проходитъ, но и какая боль въ этой красотѣ...

На батарее всѣ готовились къ встрѣчѣ. Командиръ батареи, Владиміръ Ивановичъ, уже побрившись, подстригалъ свою черную ассирійскую бороду. Двадцатилѣтній Вася С., назначенный къ намъ въ батарею за мое отсутствіе прапорщикъ (милый и дѣльный) во всемъ до смѣшнаго подражающій своему командиру—Владимиру Ивановичу, страдалъ, какъ его дразнили, отъ невозможности постричь отсутствующую бороду. Все, что онъ могъ, онъ уже сдѣлалъ—побривъ безусую губу. У принаряженнаго Е. ласково свѣтились его большіе грустные глаза. Женя Г-й былъ красивъ, нервенъ и мраченъ: убить, уничтоженъ газетой.

Матрашиловъ морозилъ шампанское, у печки по-догрѣвалось красное вино, въ углу столовой стояла серебромъ украшенная елка. Въ окопѣ 3-й батареи «былъ приглашенъ весь первый дивизионъ, кромѣ несчастныхъ, на долю которыхъ выпалъ жребій сидѣть на наблюдательномъ».

Уж третій годъ встрѣчала батарея Новый годъ на позиціи.

Изъ тѣхъ, что вышли изъ Иркутска, въ первомъ дивизионѣ осталось, если не считать меня, всего только четверо, во-второмъ—ни души...

Часамъ къ десяти публика стала собираться. Въ 10^{1/2} сѣли ужинать. Настоящаго настроенія ни у кого не было. Царила обыденщина и скука: въ стукѣ тарелокъ не было звона, въ звонѣ стакановъ не было пѣсни...

Какъ ни какъ, начались тосты, всякіе, разные, и уже отклоненный подъ Рождество тостъ Е. «За свободную Россію» былъ на этотъ разъ покрытъ громкимъ «ура».

«Пошлите телеграмму Родзянкѣ, Андреевъ ѣдетъ въ Петроградъ и передастъ прямо въ руки»—предложилъ Женя Г-ій. «Пошлите, пошлите», не слышавъ, впрочемъ, убѣдительно отозвалось нѣсколько голосовъ. Закуска, гусь, яблочный кремъ были уже давно съѣдены. Водка, вина были также уже уничтожены. Было, вѣроятно, около двухъ часовъ ночи. Е. и Женя Г-ій удалились въ «дортуаръ». Я прошелъ къ нимъ и засталъ ихъ за составленіемъ телеграммы Родзянкѣ. Женя Г., типичный русскій студентъ, нѣсколько разъ сидѣвшій по участкамъ, подлинная русская «больная совѣсть», еще не выродившаяся въ немъ въ ходячій трафаретъ, хогѣлъ текста болѣе радикальнаго. Е., гораздо болѣе зрѣлый и по существу, и по воспитанію болѣе дипломатически ориентированный человѣкъ, настаивалъ на формѣ болѣе мягкой.

Я принялъ сторону Жени Г-аго и мы втроемъ составили (приблизительно) такую резолюцію:

«Мы, офицеры перваго дивизиона, собравшіеся на позиціи для встрѣчи Новаго года, въ тяжелую минуту переживаемую нашей родиной, въ минуту, слившую воедино народъ и армію, шлемъ вамъ, председателю Государственной Думы, какъ представителю всей Руси, свой привѣтъ. Готовые здѣсь на фронтѣ исполнить нашъ долгъ до конца, мы ждемъ отъ Государственной Думы, что она въ *рѣшительную* минуту дѣйственно всганетъ во главѣ *всѣхъ живыхъ силъ Россіи* и осуществитъ *внутри* страны тотъ строй и тѣ начала, безъ которыхъ всѣ наши усилія здѣсь тщетны».

Слѣдуютъ подписи.

Составивъ резолюцію, мы вышли въ столовую, и я прочелъ ее всей нашей публикѣ. (Подчеркиваю, что всѣ отвѣтственные люди были абсолютно трезвы, «выпивши» были только нѣсколько молодыхъ офицеровъ).

Первымъ долженъ былъ подписаться подполковникъ Счастьева, георгиевскій кавалеръ, очень интересующійся политикой человѣкъ и, конечно, лѣвый, правыхъ теперь нѣтъ.

Прочтя резолюцію, онъ однако отказался ее подписать, сказавъ, что съ содержаніемъ онъ согласенъ, но съ отправленіемъ нѣтъ, такъ какъ это можетъ имѣть неприятыя послѣдствія.

Сидѣвшій на противоположномъ концѣ стола Женя Г-ій при этомъ отвѣтъ сразу поблѣднѣлъ, глаза

вспыхнули, ротъ передернулся, и охваченный лирикой своихъ тюремныхъ воспоминаній и той «*Vegetas*», которая подлинно есть въ винѣ и въ истерикѣ и, наконецъ, настоящимъ героическимъ порывомъ, онъ сразу же въ упоръ поставилъ Счастьева основной вопросъ. «А завтра вы пойдете на наблюдательный пунктъ, или, въ виду того, что это можетъ имѣть для васъ печальные результаты—нѣтъ?»

Полковникъ Счастьева сразу смѣшался. Начавъ мотивацию своего отказа вполне правильно и искренне нежеланіемъ поплатиться за телеграмму, онъ возраженіемъ Жени Г-аго былъ какъ бы сразу заподозрѣнъ въ своей чисто офицерской храбрости. Потому сталъ сразу говорить, что о трусости среди насъ, рискующихъ каждый день своей жизнью, не можетъ быть и рѣчи, что онъ не подписывается потому, что такая телеграмма ни къ чему не приведетъ и ничего не сдѣлаетъ. Но тутъ уже я вступилъ за Женю Г-аго и, не пуская Счастьева въ желаемую для него лазейку, сталъ ему доказывать, что приведенная имъ первая причина отказа искренна, а вторая нѣтъ. На вопросъ же Жени Г-аго онъ долженъ, положи руку на сердце, отвѣчать такъ: «на наблюдательный пунктъ я пойду, потому что мнѣ некуда податься, не становясь мерзавцемъ, пойду по чувству рабства, принимая это за чувство долга. Телеграмму же я не подпишу, хотя рискую меньшимъ, потому что подписать меня никто не принуждаетъ, потому что подпись была бы свободнымъ нравственнымъ творчествомъ. Но ни чувства свободы, ни чувства творчества я не знаю. Я, господа, не герой, ибо я герой постольку, поскольку обреченный».

Атмосфера становилась нѣсколько напряженной. Владиміръ Ивановичъ пытался было, какъ хозяинъ дома, свести споръ на нѣтъ нѣсколькими бытовыми замѣчаніями, но Счастьева слишкомъ остро чувствовалъ себя задѣтымъ, а Женя Г-ій былъ слишкомъ объективно взволнованъ, чтобы споръ могъ такъ легко погаснуть. Дипломатическое замѣчаніе Е., что онъ вполне понимаетъ Счастьева, что дѣло въ томъ, «что всѣ мы тратимъ здѣсь на фронтѣ такое количество духовной энергии на веденіе войны, что требовать отъ насъ еще и общественнаго, и политическаго творчества просто нельзя, потому что это свыше силъ человѣческихъ»,—тоже не помогло и споръ разгорался.

Полковникъ Счастьева былъ очень выдержанъ, Г-ій крайне не сдержанъ. Оба были очень грустны и оба мнѣ очень нравились. Мое возраженіе Счастьева пропустилъ мимо и все больше сталъ подчеркивать идею «безрезультатности».

Я восхищался Женей Г-мъ. Совсѣмъ не диалектикъ и человѣкъ отнюдь не слишкомъ разносторонняго ума, онъ исключительно на почвѣ *предметной объективности* своего волненія совершенно интуитивно находилъ на каждое возраженіе единственно правильную линію отвѣтовъ.

Такъ и тутъ онъ отвѣчалъ ни на полтона ни въ чемъ не детонируя: «мы ни дипломаты, ни политики, ни общественные дѣятели, мы не преслѣдуемъ нашей резолюціей никакой цѣли. Совсѣмъ просто: Родзянко шлетъ намъ привѣтъ и говоритъ: стойте до конца, спасайте Россію; почему же намъ не смѣтъ послать ему отвѣтный привѣтъ: мы стоимъ, стойте и вы и спасайте Россію. Зачѣмъ произносить чужое холодное слово политика, когда есть родное и прекрасное слово Россія».—Ты знаешь, Женя Г-ій *единственный* человѣкъ, въ которомъ я вижу настоящую *боль Россіи*.

Газета съ разоблаченіемъ Протопопова и съ извѣстіемъ о взятіи Бухареста полна для него той *личной конкретной и индивидуальной боли*, которую другіе люди испытываютъ лишь при извѣстіи о смерти матери, ребенка, объ измѣнѣ жены, о потерѣ на биржѣ всего состоянія или раскрытіи совершеннаго ими подлога и предстоящей потому каторги...

Эта «боль Россіи» въ немъ такъ остра прежде всего связаннымъ съ нею чувствомъ «вины передъ Россіей». Периодами онъ все ходитъ, ходитъ по окопу и все спрашиваетъ: «Но что же дѣлать? Что можно сдѣлать?» Весь декабрь онъ все мучился этимъ вопросомъ и потому былъ страшно взвинченъ къ моменту встрѣчи Нового года...

На его горячій призывъ Счастъевъ не нашелся, что отвѣтить, и повторялъ трафаретъ: «все это такъ, я никому не навязываю своего мнѣнія, но повторяю, армія не можетъ заниматься политикой. Политическіе мнѣнія такъ много, что если каждый пойдетъ за своимъ мнѣніемъ, то армія утратитъ единство своего духа и настроенія».

«Вотъ это всегда мнѣ, говорятъ», уже опредѣленно истерически воскликнулъ Женья Г-ій, и, судорожно вскинувшись всѣмъ своимъ существомъ, выбѣжалъ наружу.

Всѣмъ стало сразу какъ-то неловко. Наступила пауза. Я вышелъ вслѣдъ за Женей, но не пошелъ за нимъ, а остался на лѣстницѣ, ведущей въ окопъ.

За время ужина и споровъ лицо природы измѣнилось до неузнаваемости. Я пріѣхалъ въ абсолютномъ мракѣ, сейчасъ было свѣтло, какъ бѣлою ночью. Вся грязь и слякоть были похоронены подъ только что выпавшимъ нѣжнымъ снѣгомъ. На чистомъ небѣ высоко стояла луна, горѣли звѣзды. Стволы деревьевъ четко и строго подымались ввысь. Стояла глубокая тишина. Нѣмцы, вѣроятно, въ связи съ ихъ мирными переговорами, не желая намъ портить праздника, не стрѣляли, а только усиленно освѣщались зеленоватыми ракетами.

Когда я черезъ минуту-двѣ, снова вошелъ въ окопъ, я какъ-то вдругъ замѣтилъ, что многіе совершенно пьяны, что скатерть залита виномъ и кофе, засыпана пепломъ и орѣховой скорлупой, что въ окопѣ душно, смрадно, что по нему отъ конца въ конецъ ходятъ сизыя волны табачнаго дыма.

Е. старался «объяснить» Счастъеву Женю Г-го, а прапорщикъ 1-й бат.—агрономъ и «знатокъ народа» съ лицомъ провинціальнаго трагика «трогалъ» на балалайкѣ записанную имъ въ такомъ-то году и такомъ-то уѣздѣ оригинальную народную пѣсню.

Минуть черезъ пять вернулся Женья Г-ій. Онъ очень искренне просилъ Счастъева извинить ему его горячность. Счастъевъ отвѣчалъ, «пожалуйста, ради Бога— прежде всего свобода мнѣнія. Я вѣдь думаю, что лично мой отказъ ничего не разстраиваетъ» и т. д.

Несмотря на этотъ призывъ къ свободѣ мнѣній, никто не отзывался; тогда я сталъ ставить вопросъ о подписи каждому поодиночкѣ ребромъ. Владиміръ Ивановичъ, не желая, какъ хозяинъ, вносить расколъ сумѣлъ какъ-то снять вопросъ съ очереди, кто-то трезвый дипломатически отвѣтилъ, что отвѣтитъ завтра, когда протрезвится. Два молодыхъ офицера-кадета всецѣло присоединились къ Счастъеву. «Знатокъ народа» повернулъ въ максимализмъ: «всѣ эти рѣчи имѣли бы смыслъ только тогда, если бы мы завтра могли повернуть наши пушки на Петербургъ»...

Дальнѣйшій опросъ не имѣлъ смысла: было безнадежно ясно, что резолюции хотѣли три радикальныхъ студента и два доктора философіи, и что слова о слянии народа и армии были нѣсколько преждевременными. Шелъ уже пятый часъ утра. Вася С. мергвецомъ лежалъ въ дортуарѣ. Сотоварищъ Женья Г-аго по тюрмамъ и участкамъ, при мнѣ произведенный вольноперъ Б. и еще кто-то изъ молодыхъ ходили по очереди, въ чудный, лунный лѣсъ облегчаться отъ винной перегрузки. Женья грустный и недовольный собою сидѣлъ, обнявшись со мною, подъ елкой и временами вскидывался то на того, то на другого отдѣльными замѣчаніями:—«Е., къ чорту политику, не будьте дипломатомъ», или «да, Василій Александровичъ, (полковникъ Счастъевъ) наши пути расходятся; послѣ войны я опять въ тюрьму, а вы будете командовать дивизиономъ». Выпившій прапорщикъ, студентъ-технологъ, наставительно произнесъ какую-то рѣчь-аналогію изъ эпохи французской революціи. Но покрывая всѣхъ своимъ могучимъ басомъ раскатисто громилъ Россію «знатокъ народа». «А я вамъ говорю, вы не можете поручиться, повернете ли вы завтра пушки на Петроградъ, потому что, имѣя дѣло съ русскимъ мужикомъ, вы вообще ни за что поручиться не можете! Спросите-ка вы нашихъ развращенныхъ либерализмомъ солдатъ, пойдутъ ли они за 100 р. въ стражики?—Пойдутъ, с. д. всѣ какъ одинъ пойдутъ». «Вы не смѣете такъ говорить»— снова вспыхнулъ и вскинулся Женья Г-ій, поддержанный Е. «Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ это лучше знать»— продолжалъ жестикулировать и громыхать «знатокъ народа». «Въ качествѣ агронома (это его постоянный припѣвъ) я-то ужъ вплотную подошелъ къ нашему мужичку. Пятнадцать лѣтъ, слава Богу, выбивалъ я у него соху, навязывая плугъ, пятнадцать лѣтъ я съ нимъ косилъ и сѣялъ».—«Нѣтъ въ немъ ни культуры, ни воли, нѣтъ для него и слова, а все почему?— потому что нѣтъ у него привычки и уваженія къ труду. Развѣ не Русь православная выдумала, что «дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить»? Развѣ не Русь православная говоритъ, что «работа дураковъ любитъ»? Развѣ не крестьянство наше подмѣнило слово «трудъ» словами «хозяйство» и «страда»? Не слыхалъ я что ли, какъ хвастаютъ наши мужички: я самъ себѣ хозяинъ, хошу страдаю, хошу—нѣтъ, а хошу и вверхъ пупомъ ляжу!» Да что взять съ нашего мужика, посмотрите на нашу интеллигенцію: развращенная, исковерканная, слякотная,—и понесъ, и понесъ своимъ рѣзвымъ, но неподкованнымъ умомъ по заѣзжаннымъ Потугинскимъ большакамъ, пока совершенно неожиданно не остановился у славянофильскаго шлагбаума, а все-таки она Русь—матушка, всѣмъ народамъ народъ! Схватилъ балалайку и заигралъ «записанную» пѣсню.

Часамъ къ шести всѣ разошлись. Мы остались въ своей комнатѣ, поговорили минутъ съ десять и стали раздѣваться. Женья Г-ій досталъ мнѣ изъ своего чемодана бѣлье, самъ быстро раздѣлся, натянулъ одѣяло на голову и отвернулся къ стѣнѣ. Въ 8^{1/2} ему нужно уже было вставать, дабы смѣнить Л. въ «Ямѣ».

Часамъ къ десяти, праздничнымъ, снѣжнымъ, солнечнымъ утромъ мы всѣ стали помаленечку одѣваться. Напившись чаю, я пошелъ съ Е. на заново оборудованный на могучемъ деревѣ наблюдательный пунктъ нарисовать, по просьбѣ Владиміра Ивановича, «перспективку». Изъ этого предпріятія однако ничего...

не вышло, ибо забраться на десятисаженное дерево, растущее еще къ тому же на краю глубокаго оврага по обледенѣлымъ лѣстницамъ, переброшеннымъ съ сука на сукъ, я при всемъ желаніи рѣшительно не смогъ; уже на половинѣ лѣстницы у меня стала кружиться голова и слабѣть рука. Странно, что робость душевная преодолевается совершенно легко. Сидѣлъ же я ну хоя бы подѣ Ригой на такой же вышкѣ у самыхъ передовыхъ окоповъ, на вышкѣ пристрѣленной нѣмцами, а на эту, въ смыслѣ огня еще дѣвственную, необстрѣленную и притомъ тыловую, взобраться не могъ. А все потому, что рижская была сдѣлана между четырьмя деревьями и бока ея были забраны елкой, такъ что лѣзть надо было какъ бы внутри башни, а наша новая сдѣлана на одномъ деревѣ и все кругомъ открыто. Смутилась душа—ничего, ее можно взять въ руки, ну, а смутились руки—ничего не подѣлаешь, ихъ въ душу не возьмешь.

Около часу дня, предварительно снявшись на Чадрѣ, не знаю, что изъ этого вышло, я поѣхалъ къ себѣ въ паркъ. Ъхать было очень хорошо и весело. Во всѣхъ лучшихъ халупахъ всѣхъ деревень, черезъ которыя лежалъ мой путь, были еще спущены шторы. На фонѣ ихъ виднѣлись цѣлыя баррикады бутылокъ. Хотя было около двухъ часовъ дня, тылъ еще не вставалъ.

Ну вотъ, Наташа, подробное тебѣ повѣствованіе о «дняхъ моей жизни». Ты въ двухъ письмахъ просила, чтобы я тебѣ написалъ подробно обо всемъ. Въ прошломъ письмѣ, отосланномъ по почтѣ я описалъ тебѣ «парковыхъ товарищей», въ этомъ «картину тыла» и мою «любовь къ батарее».

Н. Лугинъ.

6 января 1917 г.

Рудники на Золотой Липѣ.

НАШЪ ЯЗЫКЪ.

Статья Бор. Зайцева.

Знакомая дѣвочка Маша, прилежная труженица, вернувшись изъ школы сказала: «А у насъ-то что! Мы теперь безъ твердыхъ знаковъ пишемъ, и безъ ять. I съ точкой тоже ненужно. Учителя велѣли. Смѣшно какъ! Мы всѣ ошибаемся, и сами учителя ошибаются!»

Трудолюбивая Маша, разумѣется, привыкнетъ, если ей «прикажутъ». «Привыкнуть» и учителя—имъ приказали чиновники изъ министерства. Вѣроятно, привыкнетъ и безграмотная, безсловесная Русь. Можетъ быть, даже родное нѣчто почувствуетъ: надписи мѣломъ и углемъ на заборахъ и въ демократическихъ уборныхъ—съ дѣтства знакомая картина—давно приняли новую орѳографію. Въ этомъ смыслѣ онѣ національны.

Ее охотно примутъ и тѣ многочисленные люди, которые сочтутъ ее раскрѣпощеніемъ языка отъ «ца» ризма». Число лбвѣ твердыхъ всегда было очень значительно.

Образованное русское общество посмѣивается, слегка будируетъ, называетъ реформу «глупостью», но въ общемъ тоже, конечно, безучастно. Гдѣ тамъ разсуждать о несчастномъ ѣ, когда на носу нѣмцы. Впрочемъ, если бы и не нѣмцы, и не революція, тоже мало кто заинтересовался бы: кому какое дѣло до языка! Ужасно интересно. Мало ли что говорилъ умирающій Тургеневъ о «великомъ и могучемъ» русскомъ языкѣ. На то онъ писатель, это его и дѣло. Есть, дѣйствительно, люди, для которыхъ вопросы языка небезразличны; вѣрно и то, что это въ первую голову писатели-художники, тѣ, кто полжизни провелъ въ общеніи со словомъ, для кого слово есть жизнь и воздухъ. Къ реформѣ языка они не могутъ быть равнодушными.

Думаю, что въ вопросѣ о новомъ правописаніи есть двѣ стороны: филологическая и эстетическая. Не будучи филологомъ, не стану распространяться о первой, укажу лишь на слѣдующее: допустимъ, что послѣ Петра ѣ стали писать не тамъ, гдѣ надо, и въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ по корню *слѣдовало бы* его писать—писалось е. (Такъ говорятъ филологи). Слѣдуетъ ли изъ этого, что ѣ должно быть выброшено вовсе? Казалось бы выводъ одинъ—надо возстановить

въ нѣкоторыхъ, искаженныхъ словахъ ихъ прежнее правописаніе. Само же ѣ есть, несомнѣнно, отголосокъ древняго нѣкоего звука (ютированное е или другая долгая гласная—безразлично). Знакъ долготы существуетъ въ греческомъ языкѣ. Во французскомъ accent circonflexe, съ ребячества знакомый намъ «домикъ» надъ гласными указываетъ на древнее благородство звука, его какъ бы именитое родословіе (отъ происшедшаго Богъ знаетъ когда слиянія). Пусть въ произношеніи онъ яснѣе нашего ѣ. Надо оговориться—для французовъ яснѣе; мы же, русскіе, въ произношеніи, его сплошь и рядомъ не улавливаемъ. Въ нашемъ ѣ есть тоже звуковое отличие отъ е, правда, очень тонкое—нашъ языкъ и вообще очень тонкое и сложное орудіе. Ять острѣе, я бы сказалъ—ядовитѣе по звуку, чѣмъ е. Горячѣе его. Оно почти всегда вызываетъ на себя удареніе, и смягчаетъ предшествующую согласную. Отзвукъ древняго і въ немъ не утерянъ. Выбрасывать его, значить упрощать языкъ въ дурномъ смыслѣ, лишать его оттѣнка.

Тутъ мы подходимъ, повидимому, къ сердцу реформы, къ ея эстетикѣ, на что въ особенности я и обращаю вниманіе. Ея эстетика ничтожна. Все сдѣлано изъ утилитарныхъ соображеній. Утилитаризмъ и плебейство—вотъ основы «преобразования».

О какихъ «оттѣнкахъ» можно говорить, когда никто изъ реформаторовъ ни о какихъ краскахъ въ языкѣ не думалъ; ни о какой красотѣ языка—рѣчи не подымалось, и подняться не могло, ибо реформа исходить не отъ художниковъ слова, а отъ бухгалтеровъ его. Не поэты, а учителя гимназій и университетовъ хлопочутъ надъ созданіемъ обновленнаго языка, который долженъ стать лучше прежняго. Явно, что духъ учителя гимназій вѣтъ надъ попыткой обратитъ русскій языкъ въ эсперанто¹⁾.

Прежде учитель гимназій молчалъ, хотя и былъ либераленъ и «благороденъ». Теперь заговорилъ. О, у него свои, домашнія дѣла. У него ученики, ко-

¹⁾ Во Франціи недавно была попытка реформы орѳографіи, но провалилась, подѣ ударами французскихъ литераторовъ. (См. напр. Remy de Gourmont, статью въ его «Promenades philosophiques».)

торые дѣлають много ошибокъ на букву ѣ. При Кассо онъ ставилъ имъ двойки и оставлялъ на второй годъ. Теперь онъ гуманнѣе, и дѣлаеть ученикамъ облегченіе, «упрощаетъ» языкъ, не имъ созданный, драгоценное наслѣдіе прошлаго. Языкъ приспособляется для низшей школы, для ея удобства. Приспособляють его также для торговыхъ конторъ, банковъ, промышленности, для газетъ, большевистскихъ воззваній. Тутъ упрощеніе есть—экономія силъ, рубль, въ конечномъ счетѣ. Практика, Америка. Одинъ горячій писатель, прославившійся тѣмъ, что книги Пророковъ отнесъ ко временамъ послѣ-евангельскимъ, прямо писалъ о «ненужныхъ» буквахъ: ихъ надо изъять изъ типографій, и перелить въ пушки для защиты родины. Не все ли равно для человѣка «практическаго», какъ набирать пушкинское стихотвореніе:

Рѣдѣть облаковъ летучая гряда.

или

Редетъ облаковъ летучая гряда.

Что дешевле, и что «передовѣе», то и лучше. Развѣ флореровскій аптекаръ Омэ, безсмертный здравый смыслъ, заинтересуется магіей слова? Онъ ея не видитъ, не слышитъ—и не воспринимаетъ.

Для тѣхъ, у кого нѣтъ ни уха, ни глаза, реформа протекаетъ вполне благополучно. Сегодня отмѣнили три буквы, согласованіе прилагательнаго съ существительнымъ во множественномъ числѣ. Почему бы завтра не отмѣнить *видовъ* глагола? Къ чему тамъ отгѣнки, столь трудно дающіеся иностранцу, и осложняющіе дѣло—«отставить» ихъ. А уже тамъ недалеко и до самыхъ глагольныхъ формъ. «Сократить», «упростить», сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ стало понятно. Вѣдь работаютъ же эсперантисты надъ своимъ языкомъ, по-своему—небезуспѣшно. Правда, онъ отзывается гомункулусомъ, химической ретортой... Ну, что подѣлать. Зато удобно.

Безобразіе, нетворческій и мертвенный характеръ реформы особенно ясны тогда, когда въ рукахъ держишь страницы, напечатанныя на этомъ гнусномъ волапоктѣ. Надо быть или ослѣпленнымъ фанатикомъ, или вообще ничего не понимать въ языкѣ, чтобы это нравилось. Духъ Пушкина, Толстого, Гоголя передается тѣми же приемами, какимъ безграмотный хулиганъ пишетъ на заборѣ. На великихъ словахъ является налетъ чужого, сквернаго. Сочетанія *ие, ия, вмѣсто іе, ія*, опредѣленно напоминають Малороссію, т.-е. опять-таки простонародный говоръ. Пушкинъ какъ бы переводится на нѣкоторый плебейскій жаргонъ. Я не хочу задѣвать украинцевъ, но нельзя же отрицать, что ихъ языкъ есть языкъ крестьянства; и насколько

онъ хорошъ для народныхъ пѣсенъ, настолько же убого звучитъ на немъ, напр., Ибсенъ («Лялькина хата»).

Въ редакціи журнала, нѣсколько номеровъ котораго печатались по новой орѳографіи, противъ нея заявили протестъ сотрудники—живописцы. Они единогласно утверждали, что зрительно, графически, новая письменность отвратительна. Она губитъ всякій, даже лучший шрифтъ. Упоминаю объ этомъ потому, что голоса художниковъ не считаю возможнымъ обойти. Отъ этой орѳографіи пришлось отказаться.

Изъ всего изложеннаго ясно, я думаю, что реформой языкъ не *повышается*, а *понижается*, не толпу намѣренъ поднять за собой реформаторъ, а самъ спуститься до уровня толпы. Въ этомъ и есть плебейскій отгѣнокъ реформы.

Характерно и то, какъ это нововведеніе вводилось: вполне игнорировали людей искусства, художниковъ слова. Это уже древне-чиновничья русская закваска. Русская литература, прославившая Россію на весь міръ, чуть ни единственное наше незабываемое достояніе,—русская литература была на дурномъ счету какъ у Николая I и всѣхъ дальнѣйшихъ, такъ и у нынѣшнихъ хозяевъ. Русскимъ художникамъ, которыхъ при жизни всѣ ругають, кому не лѣнь, можно ставить иногда памятники (если кости вполне истлѣли). Но считаться съ ними, признавать ихъ голосъ вліятельнымъ, это для аптекаря Омэ чрезмѣрно. Онъ лучше доложить свой проектъ съѣзду «преподавателей въ городскихъ училищахъ», чѣмъ Мережковскому, Бунину, Вячеславу Иванову... Что же, русскіе писатели привыкли.

Я думаю, все-таки, что нѣкоторымъ организациямъ, напр., клубу московскихъ писателей, слѣдовало бы высказаться. Среди поэтовъ, беллетристовъ и философовъ я не встрѣчалъ еще ни одного защитника новаго письма. Всѣ смѣются, и говорятъ неизбѣжно: «глупость». Но быть можетъ, одного смѣху мало. Конечно, жизнь находится цѣликомъ въ рукахъ дѣльцовъ, политиковъ и чиновниковъ; практическаго значенія слова наши, горсточка непрактическихъ людей, имѣть не будутъ. Все же нынѣшняя русская литература можетъ и должна подать свой голосъ въ вопросѣ, близко ея касающемся. Не надо забывать, что лѣтъ черезъ пятнадцать не только дѣти наши начнутъ писать на эсперанто, но и нашу прозу и стихи станутъ печатать на иностранномъ жаргонѣ, въ угоду кучкѣ чиновниковъ, при безгласіи безгласной Россіи. Если намъ это не понравится, насъ спросятъ: «почему же вы молчали?»

Бор. Зайцевъ.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ.

Статья Н. В. Досъкина.

Когда реформа правописанія была декретирована министерствомъ народнаго просвѣщенія, были высказаны нѣкоторыя соображенія за и противъ на основаніи лишь приблизительнаго представленія о томъ, въ какомъ видѣ будетъ русская писанная рѣчь при осуществленіи новыхъ правилъ. Сейчасъ уже появились печатные образцы, и каждый имѣетъ возможность удостовѣриться для себя самого, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи предписанныя измѣненія оказываютъ вліяніе на психофизическій процессъ чтенія.

Едва ли возможно пайти сейчасъ вполне грамотнаго человѣка, искренности котораго можно повѣрить, если онъ станетъ утверждать, что и оное правописаніе для него ничего въ процессѣ чтенія не измѣняетъ. Тѣмъ болѣе невѣроятно заявленіе, что оно

облегчаетъ его. Напротивъ, вполне естественно и правдиво утвержденіе, что оно затрудняетъ чтеніе: мѣшаетъ свободѣ и легкости общенія съ мыслями и образами автора, раздражаетъ эстетическое чувство и вызываетъ въ концѣ-концовъ такое утомленіе, что читающій отказывается продолжать трудъ, который при обычныхъ формахъ онъ выполнилъ бы совершенно незамѣтно. Защитники новаго правописанія сами принуждены будутъ съ этимъ согласиться и могутъ возразить только то, что неприятность и трудность чтенія существуетъ лишь вслѣдствіе непривычки; когда же нужная привычка будетъ усвоена, всѣ придутъ къ той же легкости процесса чтенія, какъ было раньше.

Предположимъ, что въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста инымъ

соображениям и все дело действительно только в привычке. В какой же срок в условиях текущей действительности можем мы надяться приобрести ее?

Все книги, находящаяся сейчас в обращении—вся русская литература оригинальная и переводная, научная и художественная—изданы с отвергнутой министром орфографией. Отказаться от их употребления мы конечно не можем. Переиздать все книги в сколько-нибудь краткий срок было бы невозможно даже в условиях самого сияющего мирного благоденствия; при том же истощение производительных сил всех стран Европы, что явилось следствием войны и не может быть возмещено еще долгие годы, мы осуждены пользоваться в ближайшия десятилетия двумя орфографиями. Повременныя издания и немногя книги мы будем читать по новому, вся же основная и наиболее дорогая словесность наша будет в своем прежнем виде.

Очевидно необходимая привычка для нас недостижима; она станет лишь достоянием будущих поколений, мы же до конца дней осуждены на отравленное чтение.

Вопрос этот имеет первостепенную важность для всех, в чьей жизни книга занимает подобающее ей место. Но дело, вѣдь, не ограничивается только чтением—надо научиться и писать по новому.

Для русских граждан, не достигших еще тринадцатилетнего возраста, предстоящий труд может быть и действительно облегчен, но остальным неожиданное возобновление школьного возраста не может доставить какой-либо отрады.

Должны ли мы покорно склониться предъ решением министра или же мы имеем право обсудить его со своей стороны и результаты такого обсуждения заявить «начальству», дабы оно приняло его во внимание, какъ голос образованного русского общества?

Не касаясь самой формы, в какой может быть заявлен протестъ, я беру на себя смѣлость предложить на судъ общества некоторыя соображения.

Прежде всего состоявшееся распоряжение должно быть «кассировано» уже по одному тому, что оно исходитъ отъ министра *временнаго* правительства.

Едва ли можно оспаривать, что задача временнаго правительства ни в коем случае не даютъ ему права рѣшать вопросы выходящие за предѣлы текущей действительности и имеющие значение только для будущаго, того будущаго, когда отъ временнаго правительства останется только воспоминание.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и самая текущая действительность—переживаемые нами годы безпримѣрныхъ бѣдствій—такова, что совершенно не допускаетъ столь досаднаго осложнения, какъ обязательство для всехъ грамотныхъ людей, читающихъ, пишущихъ и печатающихъ книги, перечувствовать и заниматься орфографическими упражнениями.

Можемъ ли мы теперь тратить на это время, внимание и силы?

Министръ не имѣлъ никакихъ оснований признать реформу неотложной, а себя для ея утверждения правоспособнымъ.

Этихъ положений было бы достаточно, чтобы отвергнуть въ данный моментъ предписанное упрощеніе, но можетъ быть полезно будетъ коснуться вопроса и по существу.

А. А. Мануиловъ, профессоръ политической экономіи, конечно, не самъ выдумалъ эту реформу и наврядъ ли сколько-нибудь въ ней нуждался лично и имѣлъ внутренней императивъ немедля ввести его. Инициатива ея, вѣроятно, принадлежала не ему, онъ же лишь имѣлъ неосторожность уступить чьему-то давлению. Отъ кого оно исходило, кому повѣрилъ бывший министр—мы точно не знаемъ. Несомнѣнно, за время его пребывания на министерскомъ посту никакая коллегія правоспособная рѣшать вопросъ правописанія не была образована; повидимому, основы реформы были выработаны когда-то и кѣмъ-то раньше.

Дѣйствительно мы можемъ припомнить, что въ годы освободительнаго движенія была какая-то коммиссія, послѣ работъ которой на окнахъ молочныхъ Чичкина въ Москвѣ появились объявленія о товарахъ безъ буквы ѣ и ъ.

Нынѣшніе защитники реформы утверждаютъ, что она была выработана и рѣшена учеными филологами, даже академиками.

Утверждение это основано на недоразумѣнии. Каковы роль и права филологин въ отношеніи языка, еще литературно несуществующаго или находящагося въ зачаточномъ состояніи, и возможно ли въ такихъ случаяхъ смотрѣть на нее, какъ на науку, намъ нѣтъ надобности разсматривать. Вѣроятно, при возникновеніи каждаго литературнаго языка очень многое остается внѣ строго научныхъ обоснованій и должно быть отнесено за счетъ личнаго усмотрѣнія первыхъ создателей словесности. Но по отношенію къ языку, имѣющему уже литературу по всемъ отраслямъ, филологія является наукой исто-

рической, черпающей свое содержаніе изъ прошлой жизни языка.

Прямая забота ея въ настоящемъ можетъ заключаться только въ сохраненіи правильности языка и ея возстановленіи, если это возможно, въ тѣхъ случаяхъ, когда она потеряна. Она консервативна по своей обязанности и въ этомъ ея цѣнность. Она вполне аналогична археологіи. Инициативы въ созданіи *новыхъ* формъ онѣ обѣ не имѣютъ. Онѣ только одобряютъ, соглашаются или не одобряютъ, не соглашаются.

Если бы намъ сказали, что формы кубизма въ живописи опредѣлены археологами, мы бы конечно этому не повѣрили. Столь же невѣроятно, чтобы филологическія изысканія могли дать основы предполагаемаго правописанія.

Измѣненіе формъ языка и письменности совершается во имя требованій выдвинутыхъ жизнью, а не во имя научныхъ истинъ филологин.

И дѣйствительно, настоящая реформа была создана не учеными, а филологами практиками, т. е. учителями грамматики исключительно для нуждъ низшей школы. Самое выраженіе «выработана» въ данномъ случаѣ совсѣмъ не примѣнимо, такъ какъ она «скорѣе вырублена» съ топорной прямолинейностью.

Ничто не указываетъ, чтобы каждое слово русскаго языка было предметомъ обсужденія академикомъ. Упрощенію подвергнуты все слова, въ которыя входятъ изгоняемыя буквы и формы.

Академики, а можетъ быть и академія, выполнили въ настоящемъ случаѣ совсѣмъ особенную функцию, небывалую въ жизни какихъ бы то ни было академій. Они отказались отъ своихъ собственныхъ научныхъ истинъ, отвергли всякія иныя соображенія, кромѣ практическаго удобства безграмотной и полуграмотной Россіи, и заявили учителямъ: дѣлайте, какъ хотите; намъ рѣшительно все равно, что вы сдѣлаете изъ русскаго языка, такъ какъ *охранять его не стоить*. Таковъ смыслъ ихъ рѣшенія, что же касается формы, то, надо думать, она была украшена всѣмъ, что полагается при всякихъ выступленіяхъ «учености».

Какъ должны мы понять столь самоотверженное настроеніе ученыхъ филологовъ? Отчасти оно объясняется самой ихъ филологической ученостью. Для нихъ въ языкѣ важно, цѣнно и интересно только его прошлое, только по отношенію къ нему они могутъ быть внимательны, бережны и даже ревнивы. Они подвергнуть кропотливѣйшему изученію самый незначительный документъ, если онъ написанъ пять столѣтій тому назадъ, сочтуть преступленіемъ малѣйшее искаженіе его при воспроизведеніи, но что касается документовъ XX вѣка, то это, вѣдь, источникъ филологовъ будущихъ вѣковъ, и чѣмъ больше протечетъ столѣтіи, тѣмъ драгоценнѣе будетъ становиться для людей науки, тотъ самый языкъ и то правописаніе, съ которыми такъ легкомысленно обошлись ихъ профессиональные предки.

Но одного пристрастія историковъ охранять только старыя могилы, пожалуй, недостаточно для объясненія покладливости академикомъ. Слѣдуетъ признать также всеобщую наклонность ко всеобщей демократизации, характеризующую эпоху, во время которой было вынесено рѣшеніе.

Съ тѣхъ поръ проблема демократіи претерпѣла весьма существенное измѣненіе: тогда это было стремленіе, мечта, безплотный духъ, еще не вошедшій въ физическое тѣло, теперь же это неоспоримая реальность.

Только теперь, при торжествѣ демократіи, можемъ мы уразумѣть ея истинныя задачи. Всякій, кто не былъ слѣпъ и глухъ, когда взвился занавѣсъ надъ павшимъ актомъ великой трагедіи Россіи, долженъ осознать, что «демократія» не есть ничто всегда само себѣ равное, но что она можетъ быть и хорошей, и плохой.

Къ утвержденію «высокой демократіи» должны быть направлены все наши труды и заботы. Демократія же, которая въ числѣ своихъ жизненныхъ основъ имѣетъ новое правописаніе, цѣнное для нея тѣмъ, что при немъ труднѣе отличить грамотнаго отъ полу-грамотнаго—дурная, низкая демократія.

Самое утвержденіе, что существующее правописаніе чрезвычайно трудно для русскаго школьника, признаетъ этого школьника, принадлежащимъ къ низшей расѣ, чѣмъ дѣти нашихъ союзниковъ Франціи и Англии, гдѣ правописаніе представляетъ трудности безъ сравненія большія чѣмъ у насъ.

Защитники реформы утверждаютъ, что новое правописаніе соответствуетъ дѣйствительному произношенію.

Но во-первыхъ, писанный языкъ долженъ быть точнѣе языка устнаго. Различіе начертанія словъ одинаково произносимыхъ, но имѣющихъ разный смыслъ есть несомнѣнное удобство. Читатель только выигрываетъ отъ того, что слова миръ и мѣръ пишутся различно.

Во-вторыхъ, произношеніе зависитъ отъ тѣхъ устъ, которыя

выговаривают слово. Характером рѣчи человекъ обнаруживает свое мѣсто въ культурной жизни страны. Если культура есть нѣкая абсолютная цѣнность, то и всѣ высшія ея выраженія должны быть хранимы и защищаемы. Чистота и богатство оттѣнковъ произношенія есть такое благо культуры.

Въ настоящее время во всѣхъ странахъ замѣчается пониженіе чувства красоты и правильности рѣчи, но повсюду истинные носители культуры признаютъ это нѣкоторымъ бѣдствіемъ, съ которымъ нужно бороться, но ужь никакъ не закрѣпляютъ его въ орфографіи. У насъ въ Россіи хороший выговоръ также почти совсѣмъ исчезъ въ обществѣ. Весьма печально, что и сами академики уже потеряли чуткость слуха къ оттѣнкамъ произношенія. Если въ разговорѣ между собой не соблюдаютъ различія въ родовыхъ окончаніяхъ, то это не дѣлаетъ имъ чести. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ настоящимъ искаженіемъ самыхъ формъ языка. (Въ Россіи еще найдутся люди, хотя и не имѣющие высокой ученой степени, однако въ этомъ отношеніи не грѣшашіе).

Что же касается буквы ѣ и ея звука, то вопросъ этотъ также не можетъ быть рѣшенъ исключительно по слуху академикомъ.

Звукъ есть явленіе физическое и психо-физическое, какъ ощущеніе. Современное состояніе соответствующихъ наукъ позволяетъ, если это понадобится, установить точно, осуществляется ли въ устахъ русскихъ людей различіе ѣ и е, и въ какой мѣрѣ и въ какихъ условіяхъ.

Мнѣ лично приходилось говорить объ этомъ вопросѣ, съ лицами, преподававшими русскій языкъ въ школахъ восточныхъ языковъ, подъ руководствомъ профессора Пюля Буане въ Парижѣ, а также съ лекторомъ русскаго языка въ Кембриджѣ г. Эллисомъ Минсь. Оказывается, что какъ французы, такъ и англичане, слышатъ это различіе и не дѣлаютъ ошибокъ въ диктовкѣ даже тогда, когда встрѣчаются еще имъ неизвѣстныя слова, и когда диктующій русскій самъ не даетъ себѣ отчета въ осуществляемомъ имъ различіи. Объясняется это тѣмъ, что для обѣихъ націй необходима большая сознательность произношенія въ ихъ родной рѣчи, чѣмъ для насъ, гдѣ произношеніе «какъ попало» господствуетъ даже среди людей вполне интеллигентныхъ.

Помню утвержденія, что въ настоящее время звуковое различіе между этими буквами уже окончательно утрачено, ученые выдвигаютъ еще слѣдующій аргументъ: употребленіе буквы ѣ во многихъ случаяхъ не оправдывается исторически, такъ какъ она введена въ начертанія словъ часто безъ основанія. Отсюда можно было бы вывести только полезность пересмотра

и исправленія орфографіи, но никакъ не полного исключенія этой буквы изъ русскаго алфавита.

Мы всѣ, люди, хотя и не имѣющие специально филологическихъ знаній, но во всей полнотѣ цѣнящіе то, что дала намъ русская литература за 150 лѣтъ ея существованія, не должны допустить того варварскаго способа исправленія ошибокъ Ломоносова, который предписанъ намъ циркуляромъ Мануйлова. Русскій языкъ есть наше достояніе, наше богатство и мы не должны допустить расхищать его ни академикомъ, ни учителемъ низшей школы. Каждое начертанное слово намъ стало дорого тѣмъ, что изъ него было сдѣлано въ творествѣ золотого вѣка нашей литературы и только этимъ и дорого.

Теперь уже поздно исправлять языкъ, имѣющей такую живую исторію.

Не учителямъ грамматики обрабатывать его для своихъ практическихъ цѣлей.

Русская литература, надо надѣяться, еще не умерла, а съ нею и право на верховное рѣшеніе вопроса тѣми, кто обращаетъ языкъ на созданіе самыхъ высокихъ цѣнностей, какія можно извлечь изъ него. Практическимъ дѣятелямъ по всѣмъ отраслямъ остается только примиряться и примѣняться. Имъ слѣдуетъ помнить о той органической іерархіи цѣнностей, нарушеніе которой всегда ведетъ къ паденію культуры.

Комиссія, составленная изъ однихъ только филологовъ, ученыхъ и педагоговъ, не должна быть признана правомочной въ рѣшеніи данного вопроса, а приговоръ ея долженъ быть признакъ не имѣющимъ никакой силы.

Это дѣло художниковъ слова и филологи могутъ имѣть здѣсь лишь совѣщательный голосъ.

Но теперь не время для пересмотра: намъ нельзя осложнять чѣмъ-либо и безъ того обремененную русскую жизнь. Сейчасъ намъ нужно только избѣжать какихъ-либо утратъ нашего прошлаго богатства и помнить, что русскій народъ и при торжествѣ демократіи долженъ и можетъ идти къ высотамъ, а не спускаться въ низину.

Сейчасъ, именно сейчасъ, въ дни перестройки всего, выборъ пути долженъ быть осознанъ всѣми.

Вверхъ, а не внизъ!

Всеобщее несочувствіе реформѣ не подлежитъ сомнѣнію— за нее стоятъ только ремесленники преподаванія, стремящіяся облегчить свой трудъ. Общество однако молчитъ и позволяетъ министру въ угоду группѣ профессионаловъ уродовать всенародное достояніе наше. Чѣмъ же новая свободная Россія отличается отъ старой Россіи произвола и покорности, и новый гражданинъ отъ прежняго обывателя?

Н. Досъкинъ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА.

Статья Проф. К. Воблаго.

Предстоящая земельная реформа въ Россіи будетъ проведена подъ лозунгомъ—вся земля трудовому народу. Эта въ достаточной мѣрѣ туманная, неопредѣленная формула не даетъ никакого понятія о томъ, какъ задуманная земельная реформа отразится на судьбахъ переселенческаго движенія. Этой стороны вопроса не приходится игнорировать, вѣдь въ Россіи существуетъ сильное миграционное движеніе съ запада на востокъ и отчасти юго-востокъ. Переселеніе за Уралъ носить столь значительные размѣры, что его нельзя оставить безъ вниманія при осуществленіи земельной реформы.

Для того, чтобы разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, охарактеризовать наше переселенческое движеніе. Точныя статистическія данныя о переселеніи появляются у насъ только съ 1885 г. съ момента введенія регистраціи переселенцевъ въ Тюмени. Приблизительно опредѣляютъ общее число переселенцевъ за Уралъ съ освобожденія крестьянъ до 1885 г. въ 300.000 чел., что даетъ въ среднемъ въ годъ 12 тыс. переселенцевъ.

Въ періодъ съ 1885 по 1896 г. (открытие движенія по сибирской магистраліи) переселилось 469.275 чел.,

въ среднемъ по 43 тыс. чел. въ годъ. Со времени открытія пассажирскаго движенія по сибирской дорогѣ переселеніе замѣтно усилилось: съ 1896 по 1905 г. (до русско-японской войны) переселилось въ Азиатскую Россію 1.041.321 чел. въ среднемъ въ годъ 104 тыс.

Послѣ первой революціи въ связи съ широкой постановкой колонизаціонной и земельной политики переселеніе въ Азиатскую Россію принимаемъ прямо грандіозные размѣры: съ 1906 г. по 1914—3.764 тыс. ч., въ среднемъ въ годъ 440 тыс., т.-е., безъ малаго полмилліона.

Современная война должна была ослабить и даже приостановить переселенческое движеніе: въ 1915 г. переселилось всего 28 тыс. чел., между тѣмъ еще въ 1914 г.—336 тыс. чел.

Интенсивный ростъ нашего переселенческаго движенія хорошо выясняется изъ сравнительнаго сопоставленія среднихъ величинъ по отдѣльнымъ періодамъ: 12 тыс. чел., 43 тыс., 104 тыс. и 440 тыс. Если по отдѣльнымъ годамъ наблюдался то лихорадочный подъемъ, то паденіе миграціонной волны въ общемъ

однако сохраняется ясная и определенная тенденция— углубление и расширение переселенческого потока.

Гдѣ же лежатъ очаги переселенческаго движенія? Какія губерні Евр. Россіи преимущественно поставляютъ переселенцевъ?

Съ 1896 г. по 1912 г. въ Азиатскую Россію переселилось 3,3 мил. чел. Губерні, давшія свыше 200 тыс. переселенцевъ за этотъ же періодъ, располагаются въ такомъ нисходящемъ порядкѣ:

Полтавская	399 тыс. чел.
Черниговская	313 » »
Курская	263 » »
Могилевская	254 » »
Воронежская	230 » »
Кіевская	220 » »
Харьковская	219 » »
Екатеринославская	204 » »

Полтавская и Черниговская губерні представляютъ районъ съ наиболѣе интенсивнымъ выходомъ. Въ послѣднее время усилилось переселение изъ Кіевской губ. Названная губернія еще въ девяностыхъ годахъ стояла позади Харьковской, Воронежской и Херсонской губ., въ началѣ двадцатаго столѣтія обогнала названныя губерні, занявъ третье мѣсто.

Изъ пяти украинскихъ губерній (Черниговская, Полтавская, Кіевская, Подольская и Волынская) выселилось за Уралъ съ 1896 по 1912 г. свыше 1 милліона душъ, что составляетъ $\frac{1}{3}$ всего количества переселенцевъ изъ Евр. Россіи, между тѣмъ населеніе названныхъ пяти губерній составляетъ всего лишь около 14% всего населенія 60 губ. Евр. Россіи. Можно сказать, что центръ нашего переселенческаго движенія лежитъ на Украинѣ. Вокругъ этого центра идетъ кольцо губерній съ довольно интенсивнымъ выходомъ, именно—Могилевская, Минская на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, Курская, Харьковская и Воронежская на востокѣ и Екатеринославская, Херсонская, Таврическая на югѣ.

Исторія переселенческаго движенія убѣждаетъ насъ въ томъ, что малороссы по праву могутъ быть названы народомъ—колонизаторомъ.

Хохла-хлібороба можно встрѣтить въ Крыму, на Кавказѣ, по берегамъ Волги въ Саратовскихъ или Самарскихъ степяхъ, на равнинѣ Сибири, среди киргизскихъ кочевниковъ, въ Степномъ краѣ, по берегамъ Амура и, наконецъ, у самаго Тихаго Океана.

Мѣста водворенія переселенцевъ измѣнялись въ исторіи нашей колонизации. Сначала объектомъ колонизации были свободныя земли Евр. Россіи: сѣверный Кавказъ и Новороссія, позже Европейское Заповольжье и, наконецъ, Азиатская Россія. Въ настоящее время послѣдняя является почти исключительнымъ пріемникомъ переселенческаго движенія.

Въ періодъ съ 1893 по 1912 г. излюбленными мѣстами водворенія являлись слѣдующія губерніи и области:

Томская	1.109.200 перес.
Акмолинская	640.800 »
Тургайская	464.000 »
Приморская	176.200 »
Иркутская	117.000 »
Семирѣченская	87.800 »
Амурская	86.000 »

Тщательно выполненныя земскія изслѣдованія въ Черниговской, Полтавской и др. губерніяхъ показали, что основная причина переселенческаго движенія лежитъ въ земельныхъ отношеніяхъ. Въ Полтавской значительная часть хозяйствъ (52%) не въ состояніи удовлетворить своихъ потребительныхъ нуждъ собственнымъ хлѣбомъ. Въ губерніяхъ съ интенсивнымъ выходомъ, очевидно, существуютъ излишки населенія, не находящіе приложенія своему труду, такъ для Полтавской губ. земскіе статистики опредѣляютъ избытокъ рабочаго сельскаго населенія въ 72%. Въ виду слабаго развитія въ указанномъ районѣ обрабатывающей промышленности, эти излишки сельскаго населенія не могутъ найти помѣщенія своему труду на фабрикахъ и заводахъ. Единственной отдушиной до настоящаго момента являлось переселение. Нужно думать, что оно призвано играть ту же роль и въ ближайшемъ будущемъ.

Въ виду громадной важности переселенія для Россіи—это съ одной стороны, а съ другой, въ виду его тѣсной связанности съ земельнымъ вопросомъ, представляется интереснымъ выясненіе точек зрѣнія на данную проблему нашихъ главнѣйшихъ партій.

Какое мѣсто онѣ отводятъ переселенческому вопросу?

Въ программѣ социаль-демократической партіи находится такое упоминаніе о переселеніи: «земли, необходимыя для переселенческаго фонда, передаются во владѣніе демократическаго государства». Кто устанавливаетъ размѣръ этого фонда, какъ онъ образуется, на какихъ началахъ будетъ организовано пользование этимъ фондомъ, на эти вопросы социаль-демократическая программа не даетъ отвѣта.

Программа социаль-революционеровъ говоритъ о переселеніи еще болѣе неопредѣленно и туманно: «всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе земельнымъ фондомъ и т. п.)». Изъ приведеннаго положенія вытекаетъ, что переселеніе входитъ въ общую систему земельной реформы. Къ сожалѣнію, это такъ глухо сказано, что нельзя составить яснаго и отчетливаго представленія о томъ, какъ же партія мыслитъ отношеніе переселенія къ социализации земли.

Народно-социалистическая партія также обходитъ молчаніемъ вопросъ о переселеніи. Нѣкоторый намекъ на переселеніе можно найти въ слѣдующихъ словахъ: «всѣ граждане должны имѣть равное право на пользование свободными землями, причемъ за мѣстнымъ и земледѣльческимъ населеніемъ должно быть сохранено право на надѣленіе въ первую очередь».

Новая программа партіи народной свободы говоритъ о переселеніи слѣдующее: «земли, остающіяся за удовлетвореніемъ нуждъ мѣстнаго населенія, могутъ быть предназначены для надобностей послѣдующаго обезпеченія того же населенія, или же могутъ быть обращены на нужды переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей».

И кадетская программа не даетъ намъ отвѣта на то, кто же будетъ рѣшать вопросъ о томъ, должны ли излишки земли, за покрытіемъ мѣстной нужды, предназначены для надобностей того же населенія или для надобностей переселенцевъ? Отъ кого зависить

рѣшеніе этого вопроса—отъ мѣстныхъ областныхъ органовъ или отъ центральныхъ?

О переселеніи кадетская программа говоритъ еще и въ другомъ мѣстѣ: «въ случаѣ недостатка земель для обезпеченія мѣстнаго населенія необходимо предоставить широкую государственную помощь тѣмъ, кто пожелаетъ выселиться въ другіе районы».

Какъ видимъ, и эта программа касается переселенія только вскользь, не давая отвѣта на вопросы, кто составляетъ переселенческій фондъ, кто имъ распоряжается, какъ согласовать интересы пришлаго и мѣстнаго населенія?

Въ современной революціонной дѣйствительности намѣчается тенденція, могущая оказать неблагоприятное вліяніе на переселенческое движеніе. Представители тѣхъ областей Россіи, въ которыхъ имѣются земельные излишки, не обнаруживаютъ особаго желанія предоставлять эти излишки для переселенцевъ. Резолюціи въ такомъ духѣ были вынесены не такъ давно на казачьемъ съѣздѣ. Представители казачьихъ войскъ ясно и опредѣленно заявили, что каждое казачье войско владѣетъ, пользуется и распоряжается своими землями самостоятельно и независимо.

Едва ли при наличіи такой резолюціи казачьяго съѣзда, можетъ идти рѣчь объ образованіи изъ излишковъ казачьихъ земель особаго переселенческаго фонда, поступающаго въ распоряженіе центральныхъ органовъ.

Еще болѣе показательны въ этомъ отношеніи постановленія киргизскаго съѣзда. Выдвигая принципъ національнаго самоопредѣленія, киргизы высказываются не только противъ дальнѣйшаго водворенія въ степяхъ киргизскаго народа переселенцевъ, но настаиваютъ на отнятіи земель у водворенныхъ уже переселенцевъ. Кстати сказать, дореволюціонное правительство опредѣляло излишки земель въ киргизскихъ степяхъ въ 59 милл. дес.

Какъ смотрятъ на этотъ вопросъ сибиряки, мы пока не знаемъ. Не слѣдуетъ только забывать, что сибирскіе старожилы всегда относились недружелюбно къ переселенцамъ.

Если наши окраины станутъ на ту точку зрѣнія, что рѣшеніе земельного вопроса должно быть всецѣло предоставлено ихъ усмотрѣнію, то этимъ они нанесутъ большой ущербъ переселенческому движенію. Приостановка переселенія, принявшаго въ послѣднее время характеръ массоваго движенія, неблагоприятно отразится на интересахъ тѣхъ районовъ, откуда оно шло.

Нельзя отрицать нѣкоторой противоположности интересовъ районовъ выхода переселенцевъ и районовъ ихъ приема. Эта противоположность интересовъ

и говорить за то, что удовлетворительное рѣшеніе поставленнаго вопроса возможно только въ томъ случаѣ, если мы откажемся отъ мѣстной областной точки зрѣнія.

Нашимъ партіямъ слѣдуетъ пересмотрѣть свои программы въ вопросѣ о переселеніи. Необходимо согласовать партійные взгляды на переселенческое движеніе и земельную реформу. При рѣшеніи земельного вопроса ни въ коемъ случаѣ нельзя игнорировать интересовъ переселенческаго движенія. Послѣднее должно войти въ общій планъ земельной реформы, какъ ея важный составной элементъ.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы положить въ основу переселенческой политики такія положенія:

1) Основныя начала земельной реформы должны носить общегосударственный характеръ. Въ категорію этихъ основныхъ началъ нужно включить образованіе государственнаго фонда для переселенія. Земельные излишки за покрытіемъ мѣстной нужды зачисляются въ этотъ фондъ.

2) Установленіе того, что составляютъ земельные излишки, должно быть предоставлено центральнымъ органамъ.

3) Распоряженіе указаннымъ земельнымъ фондомъ находится въ рукахъ центрального переселенческаго комитета изъ представителей заинтересованныхъ областей (мѣсть выхода и водворенія). Этотъ комитетъ имѣетъ своихъ агентовъ на мѣстахъ въ видѣ коллективныхъ и единоличныхъ органовъ.

4) Изъ государственнаго фонда земли отводятся переселенцамъ на тѣхъ же началахъ (собственности, наследственнаго владѣнія и пр.), на какихъ онѣ отводятся и населенію мѣсть водворенія.

5) Свободныя казенныя земли въ Азіатской Россіи слѣдуетъ при проведеніи земельной реформы зачислить въ переселенческій фондъ.

6) Необходимо организовать въ широкомъ масштабѣ научныя и техническія работы по выясненіи колонизаціонной емкости Азіатской Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для подготовки переселенческихъ участковъ въ возможно большемъ количествѣ. Желательно заключеніе колонизаціоннаго займа для того, чтобы шире поставить переселеніе по окончаніи войны.

7) Недостаточность земельного обезпеченія въ хлѣбородныхъ губерніяхъ побуждаетъ насъ видѣть въ переселеніи одно изъ важныхъ средствъ въ рѣшеніи земельного вопроса. Представители губерній съ интенсивнымъ переселеніемъ въ Учредительномъ Собраніи должны приложить особыя старанія къ тому, чтобы переселенческое движеніе было организовано государствомъ возможно болѣе цѣлесообразно.

Проф. К. Вобль.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

Статья Н. Н. Алексѣева.

Вотъ уже мѣсяць, какъ длится современный политическій кризисъ. Когда большевики захватили власть, оптимисты думали, что она «развалится» въ двѣ недѣли. Казалось, что никакой государственной организмъ не выдержитъ тѣхъ грубыхъ приемовъ нашихъ доморощенныхъ политическихъ хирурговъ, съ которыми они производили шарлатанское лѣченіе

нашего больнаго государственнаго организма. Но дѣйствительность превзошла оптимистическія ожиданія. Насъ кромсаютъ и рѣжутъ, но мы продолжаемъ жить,—правда, довольно скверно, однако же все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что конецъ этихъ операцій еще не близокъ, что фантазія операторовъ безгранична, что будущее грозитъ намъ послѣдующими сюр-

призами, однимъ словомъ, что едва ли завтра или послѣ завтра наступитъ конецъ царствію сему, столь славному въ лѣтописяхъ молодой республики російской.

Кризисъ затягивается и затягивается довольно безнадежно. Правда, мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что наша дряблая славянская душа чужда постоянства. И вообще политическія чувства измѣнчивы, тѣмъ болѣе шансовъ на измѣненія ихъ у насъ. И измѣненія ихъ внезапны, даже неожиданны. «Падеть произволъ и возстанетъ народъ»—начинаемъ пѣть мы словами старой пѣсни.

Но сколько лѣтъ мы пѣли ее при «старомъ режимѣ», пока онъ не палъ, по справедливости говоря благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ! И сколько еще дней мы будемъ тянуть ее при режимѣ «новомъ»? Быть можетъ, до новыхъ «счастливыхъ» обстоятельствъ. А что, если они не придутъ?

У меня часто возникаетъ послѣднее время одно лукавое политическое прозрѣніе, хотя я знаю, что политическія прозрѣнія есть вещь весьма неблагоприятная. Мнѣ начинаетъ казаться, что такъ называемый большевистскій режимъ субстанціально есть болѣе органическая вещь, чѣмъ намъ это въ ослѣпленіи нашемъ кажется.

Въ большевистской «хирургіи» углубленная русская революція какъ будто нашла нѣкоторую форму бытія, болѣе прочную и длительную, чѣмъ всѣ эти временныя правительства, Совѣты Республики и прочія болѣе или менѣе хитроумныя изобрѣтенія. Въ большевизмѣ, выражаясь старыми философскими терминами, душа народная или по крайней мѣрѣ одинъ изъ ея элементовъ, дошли наконецъ до самопознанія и до подлиннаго національнаго творчества. Чтобы тамъ ни говорить, а развѣ этой красочной национальности нѣтъ въ нашихъ интернационалистахъ? Развѣ не «стенкина» и не «емелькина» Русь заговорила, наконецъ, своимъ языкомъ? «Душа народа» нашла себя—и остановилась въ самопоуноеніи. Такъ стоять она можетъ довольно долго, болѣе долго, чѣмъ мы иногда думаемъ.

Девять мѣсяцевъ народъ русскій находился въ стадіи социально-политическихъ исканій. Съ величайшимъ трудомъ, какъ бы ворочая громадную тяжесть, доходилъ онъ своимъ умомъ до постиженія всѣхъ этихъ программъ, платформъ и тактикъ. И вотъ не кажется ли вамъ, что онъ, наконецъ, нашелъ нѣчто? Поистинѣ, трогательна вѣра, съ какой принимаетъ темный народъ нашъ большевистскую хирургію. Поговорите съ любымъ солдатикомъ, но потемнѣе, изъ пермяковъ, изъ настоящихъ «древлянъ». Онъ глубоко вѣритъ, что нынѣшній режимъ есть режимъ заправскій, въ которомъ правда-истина соединилась съ правдой-справедливостью. И люди честные стоятъ у власти,—не то, что тѣ, половинные социалисты, какіе раньше правили; и порядокъ настоящій есть, если и рѣжутъ, то рѣжутъ, кого слѣдуетъ; и свобода есть, выпущены «двинцы» и всѣ тѣ, кого угнеталъ тиранъ Керенскій; а что «Русское Слово» закрыто—этому «подѣломъ», брехало много, смущало только народъ; и тайнъ отъ народа никакихъ нѣтъ—тайные договоры опубликованы; и власть есть, надъ кѣмъ слѣдуетъ, въ тюрьму всѣхъ этихъ «буржуевъ» и «корниловцевъ» и прочихъ «враговъ народа». Лукаво посяматривая на васъ, когда вы пытаетесь спорить, такой солдатикъ заключаетъ обычно свою рѣчь такъ: «нѣтъ, товарищъ, народу съ вами не по дорогѣ, вашъ социализмъ ему не нуженъ».

Каждый народъ имѣетъ то правительство, какое онъ заслуживаетъ, и каждый народъ имѣетъ ту политическую идеологию, какую онъ заслуживаетъ. Я иногда думаю, что русскій народъ органически заслужилъ и большевистское правительство и большевистскій «социализмъ». А поэтому «большевизмъ», пожалуй, прочнѣе, чѣмъ думаютъ оптимисты.

Народу нашему никогда не были дороги такъ называемыя политическія цѣнности и поэтому менѣе всего способенъ онъ разбираться въ различныхъ тонкостяхъ конституціоннаго режима, въ свободахъ, правахъ, гарантіяхъ и т. д. Его не учили въ этомъ ни въ школѣ, ни въ семьѣ, ни въ бытѣ. Западные народы учила тому религія, не даромъ вѣдь политическія ученія Запада такъ тѣсно связаны съ религіознымъ міросозерцаніемъ. Но этой доступнѣйшей всѣмъ простымъ сердцамъ школы былъ лишень нашъ народъ. Поэтому куда ближе его сердцу политическая «хирургія» большевизма! Куда ближе ему «народные комиссары», изъ своихъ, чѣмъ «всеобщее, прямое, равное и тайное». Никогда нашему народу не были дороги и экономическія цѣнности,—ученіе объ экономическомъ прогрессѣ, торжествѣ техники, социальномъ богатствѣ. Всегда былъ онъ нищимъ и нищенски выглядывать его социализмъ. Какого социализма хотите еще вы въ Россіи, какъ не социализма большевистскаго? За нимъ могутъ пойти у насъ нѣсколько интеллигентовъ и наиболѣе просвѣщенные изъ городскихъ рабочихъ, а не тѣ «бѣднѣйшіе», правленіе которыхъ сулятъ намъ г. Бронштейнъ. Поэтому такой страшный крахъ потерпѣли меньшевики. И побѣда с.-р. на выборахъ въ Учредительное Собрание объясняется въ значительной степени тѣмъ, что на «мѣстахъ» еще не успѣли дойти до большевизма. Если бы дошли, голосовали за большевиковъ, ибо это куда ближе и куда доступнѣе.

Я былъ на московской демонстраціи 3-го декабря. Вотъ они, наши сторонники Учредительнаго Собрания! Самые настоящіе «цензовики», не ниже четырехкласснаго городского училища. А всѣ остальные—имя имъ легіонъ—они съ народными комиссарами и съ настоящей «народной» властью.

Совершенно та же картина наблюдалась, впрочемъ, и въ Петроградѣ.

Часто говорятъ, народъ обманули, ввели въ заблужденіе. Конечно, обманули, но есть обманъ и обманъ. Большевистскій обманъ на руку самымъ дурнымъ чувствамъ и инстинктамъ русскаго народа. На этихъ инстинктахъ, конечно, не построишь государства, однако же на нихъ довольно продолжительное время можетъ держаться политическое бытіе революціонной эпохи. Царство «воровъ», поистинѣ, болѣе прочно, чѣмъ Временный Совѣтъ Республики—съ этимъ мы должны считаться, это мы должны понять. И пусть одни воры будутъ свергнуты, почему не быть другимъ?

Большевистская хирургія въ ея временномъ бытіи можетъ кончиться или тогда, когда воры перерѣжутъ другъ друга, или тогда, когда «цензовики» сумѣютъ противопоставить большевизму физическую силу. Но въ планѣ «нуменальномъ» большевизмъ кончится тогда, когда вся Россія получитъ образованіе не ниже городского училища и превратится въ государство тѣхъ «цензовиковъ», представители которыхъ дефилировали по Тверской 3-го декабря.

Н. Н. Алексѣевъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ МАСКАРАДЪ.

Статья Бориса Кремнева.

Въ какомъ странномъ положеніи находятся русскіе публицисты, ведущіе прилежно «*Внутреннее Обозрѣніе*». Если до октябрьскаго выступленія нашихъ «миротворцевъ», которые едва ли нарекутся «сынами Божьими», возможно было говорить о «внутреннихъ» дѣлахъ Россіи, нынѣ это болѣе, чѣмъ затруднительно и въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно рискованно. Я говорю не о цензурѣ, установленной лицами, захватившими нѣкоторыя московскія и петербургскія учрежденія и называющими себя народными комиссарами, я говорю о существѣ самой темы.

Въ самомъ дѣлѣ—гдѣ Россія? Гдѣ ея предѣлы? Гдѣ совершаются тѣ *внутреннія* дѣла и событія, которыя опредѣляютъ жизнь государства? Границы Россіи стерты и Государства Россійскаго, о которомъ мѣсяць тому назадъ такъ торжественно говорилъ гражданинъ Керенскій, нынѣ не существуетъ. На этотъ счетъ питать иллюзіи не приходится. И однако *въ возможности* Россія существуетъ. Еслибы не было надежды на эту возможность, на ея воскресеніе, честному русскому публицисту нечего было бы обзрѣвать и не о чемъ бесѣдовать съ гражданиномъ-читателемъ.

Но что произошло? Почему стерты границы Россіи? Чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ совершающихся на нашихъ глазахъ дѣлахъ и дѣянїяхъ, необходимо помнить, что въ страшный день 22 июля 1914 года, когда германскій рейхстагъ и сто челоуѣкъ засѣдавшихъ въ немъ социаль-демократовъ одобрили политику императора Вильгельма и объявленіе имъ войны Европѣ, обозначился тотъ мировой масштабъ событїи, измѣнить и умалить который не въ нашихъ силахъ, не подъ силу одному государству, одной странѣ, одному народу.

Надо быть слѣпымъ или злостнымъ шовинистомъ, чтобы утверждать, будто Россія—одна—способна измѣнить ходъ исторїи, направить ея движеніе на другой путь. Неправда, что мировая борьба кончится ничѣмъ, что побѣдителей не будетъ. Побѣдители будутъ. И своимъ пассивнымъ недѣланіемъ, своимъ непротивленствомъ Россія вовсе не переводитъ на другой путь или въ другой планъ жизнь Европы.

Путь остается старымъ и планъ все тотъ же. Но, можетъ быть, у бунтующей батрацкой Россіи есть сочувствующій союзникъ въ лицѣ германскаго народа? Въ лицѣ германскихъ работниковъ?

«Нѣмецкіе работники? Ну нѣмецкіе работники не сдѣлали ничего, ни одного энергическаго заявленія симпатїи, сочувствїя... Было очень немного митинговъ, гдѣ было сказано нѣсколько фразъ, въ которыхъ торжествовавшая національная гордость какъ бы умолкала передъ заявленіемъ интернациональной солидарности. Но далѣе фразъ ни одинъ не пошелъ, а въ Германїи, вполне очищенной отъ войскъ, можно было бы тогда кое-что начать и сдѣлать. Правда, что множество работниковъ было завербовано въ войска, гдѣ они отлично исправляли обязанности солдатъ, т.-е. били, душили, рѣзали и разстрѣливали всѣхъ по приказанію начальства, а также и грабили».

Читатель, вѣроятно, догадается по стилю этой цитаты, кому она принадлежитъ. Писалъ это Михаилъ Бакунинъ по поводу нѣмецкихъ настроенїи послѣ разгрома Франціи и разстрѣла коммунаровъ въ 1871 году. Германія осталась все той же.

И кто повѣритъ, что Либкнехтъ, посаженный императоромъ Вильгельмомъ въ каторжную тюрьму, опредѣляетъ направленіе и душу нѣмецкой социаль-демократїи?

Нѣтъ, Германія не измѣнила себѣ. «Какъ иначе объяснить этотъ сумасшедшїй восторгъ, который овладѣлъ цѣлою нѣмецкою нацией, всѣми, рѣшительно всѣми слоями нѣмецкаго общества, при полученїи извѣстїи о рядѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ нѣмецкими войсками»...

Итакъ, то, что совершается теперь въ разрозненныхъ, раздѣленныхъ, распавшихся частяхъ еще недавно единой Россіи, надо разсматривать въ планѣ мировой войны, а вовсе не въ планѣ «социальной революціи», о которой, впрочемъ, перестаютъ говорить и сами октябрьскіе дѣятели. Политическїй маскарадъ подходит къ концу. Конченъ веселый балъ. Правда, преторїанцы еще пируютъ, громятъ винные погреба, но главари, притворявшїеся хмельными, дѣловито грабятъ банки и трезво ведутъ переговоры съ буржуазно-юнкерскимъ правительствомъ Германїи.

Въ чемъ же дѣло? Дѣло въ ненависти къ Россіи. Не императорскую Россію, не даже буржуазную Россію, а Россію, какъ единое культурное цѣлое, ненавидятъ нѣмцы и всѣ тѣ, кто работаетъ нынѣ на пангерманское дѣло, т.-е. на гегемонїю Германїи въ Европѣ и Азїи и на всю реакционнѣйшую политику Гогенцоллерновъ. Карлъ Марксъ ненавидѣлъ Россію и славянство тяжелою и великою ненавистью большого челоуѣка и убѣжденнѣйшаго почитателя германской цивилизаціи. Нынѣшніе духовные агенты Германїи ненавидятъ Россію мелкою и подлою ненавистью гешефтъ-махеровъ, комми-воажеровъ и предателей.

Дурацкими фразами о «полусоциализмѣ» они могутъ обмануть безусыхъ мальчишекъ или неграмотныхъ солдатъ, но взрослыхъ людей имъ, конечно, не обмануть. Какой тамъ къ чорту социализмъ, когда пангерманскїй кулакъ занесенъ надъ всѣми демократїями Европы и ставится ребромъ вопросъ—быть или не быть насущнымъ свободамъ и самой идеѣ народо-правства. Политическіе гешефтъ-махеры превосходно это знаютъ.

Недаромъ они еще до революціи вопили въ Женевѣ о томъ, какъ будетъ прекрасно, ежели Кїевъ и Одесса будутъ въ рукахъ нѣмцевъ. И съ этими людьми въ теченіе восьми мѣсяцевъ церемонились и заигрывали «временные правители», изнемогавше отъ избытка добродѣтели. Надо отдать справедливость нашимъ нынѣшнимъ комиссарамъ: они научились у нѣмцевъ кое-чему и расправляются со своими политическими противниками, смѣясь не безъ площадного остроумїа надъ «непротивленствомъ» болтуновъ.

Какова ихъ политика? Развязная и грубая по отношенїю къ союзникамъ, подобострастная по отношенїю

къ Германіи и террористическая внутри страны, по скольку страна въ ихъ власти.

Правда, ихъ терроръ вовсе не терроръ Робеспьера. Они слишкомъ трусливы, чтобы принять на себя отвѣтственность революціонныхъ палачей: ихъ терроръ—терроръ самосуда.

Либеральныя и социалистическія газеты кричатъ о нарушеніи свободы печати. Не напрасны ли теперь эти протесты? Что у насъ, правопорядокъ что ли? Во время пугачевщины какая можетъ быть свобода печати. Этого не понимало «Временное Правительство». Теперь мы расплачиваемся за жалкую сентиментальную его слабость.

Вопросъ вовсе не въ томъ, жестока или не жестока эта новая власть, а въ томъ, куда она ведетъ народы Россіи и во имя чего казнить и душить своихъ враговъ. Она душитъ всѣхъ своихъ противниковъ во имя торжества Германіи. Кто съ ними, съ носителями этой похищенной у народа власти? Люди «старого порядка» узнали въ нихъ своихъ друзей. Банды вчерашнихъ лакеевъ самодержавія хлынули къ урнамъ и голосовали за большевиковъ. Это и понятно. Они почували за спиною интернаціоналистовъ знакомый и желанный фантомъ сомодержца; и они пируютъ. И «пиръ во время чумы» растетъ и ширится. Черная сотня ликуетъ, когда жандармы-красногвардейцы разгоняютъ депутатовъ Учредительнаго Собранія, когда вихрь погромовъ свиститъ надъ головою гражданъ, когда демократическая печать раздавлена приказами и декретами, когда гуляетъ на свободѣ вождь черныхъ насильниковъ и сидитъ въ крѣпости Карташевъ.

Какъ имъ не пировать!

Но несмотря на весь этотъ терроръ, власть большевиковъ надъ Россіей призрачна и вовсе не реальна, ибо и Россіи уже нѣтъ. Она была и она будетъ, но *сегодня* ея нѣтъ. Сегодня лишь маячитъ ея образъ въ безобразномъ хаосѣ; сегодня лишь намѣчается ея воля къ единству.】

Вотъ почему самое важное и существенное въ жизни этихъ громадныхъ областей, когда-то связанныхъ вмѣстѣ во-едино не только централизованной императорскою властью, но и великою русскою духовною культурою съ ея традиціями свободолюбія, социальной справедливости и вселенской идеи,—это начало федеративное, опредѣляющееся все болѣе и болѣе. Федеративная идея реакціонна, когда она проводится, какъ политическій лозунгъ, но отношеніе къ уже сложившемуся и культурно сильному унитарному государству, но она прогрессивна и желанна, когда осуществляется въ моментъ распада и распыленія національно-родственныхъ или культурно-близкихъ государственныхъ образований.

Вотъ почему «народные комиссары» въ такомъ страхѣ заметались по русской землѣ и шлютъ во всѣ стороны карательные отряды и лгутъ про контрреволюцію. Федеративное движеніе ненавистно имъ, потому что оно спасаетъ Россію отъ послѣдняго паденія и позора. Вотъ почему они трепещутъ, когда приходитъ телеграмма изъ Кіева, въ которой сказано, что въ ночь на 4 декабря всѣ штабы на румынскомъ и юго-западномъ фронтахъ, начиная съ полковыхъ до корпусныхъ и армейскихъ вмѣстѣ съ техническимъ аппаратомъ, телеграфомъ и радио-телеграфомъ заняты украинскими войсками. Генераль

Щербачевъ назначенъ главнокомандующимъ арміями всего украинскаго фронта, т.-е. румынскаго и юго-западнаго.

А въ отвѣтъ на ультиматумъ большевиковъ генеральный секретаріатъ народной Украинской Республики опубликовалъ, между прочимъ, слѣдующія примѣчательныя строки: «Секретаріатъ рѣшительно отвергаетъ всякія попытки вмѣшательства «народныхъ комиссаровъ» въ дѣло устроения государственной и политической жизни республики. Претензии «народныхъ комиссаровъ» на руководство украинскою демократіей тѣмъ менѣе могутъ имѣть какое-либо оправданіе, что навязываемыя Украинѣ формы политическаго правленія дали на территории самихъ «народныхъ комиссаровъ» результаты, отнюдь не вызывающіе зависти: пока въ Великороссіи развивается анархія и экономической, политической и хозяйственной развалъ; пока тамъ царитъ грубый произволъ и попрание всѣхъ свободъ, завоеванныхъ у царизма революціей».

«Единство фронта признаетъ и генеральный секретаріатъ, но послѣ того, какъ «совѣтъ народныхъ комиссаровъ» Великороссіи разрушилъ фронтъ внесеніемъ въ него полной дезорганизации, послѣ того, какъ большевистскія части оставляютъ позиціи и оголяютъ фронтъ, генеральный секретаріатъ не находитъ возможнымъ единственно силами украинскихъ частей сохранять всю громадную линію фронта».

Вѣроятно, также неприятны «народнымъ комиссарамъ» сообщенія изъ Кіева, Ростова-на-Дону, Харькова, Бѣлгорода и такъ далѣе, гдѣ обнаруживается безсиліе большевиковъ.

Сибирь, Донъ, Украина, Кавказъ стремятся сочтаться, примирить и соединить свои областные интересы, игнорируя вовсе самодержавное большевистское правительство.

Кругъ власти большевиковъ суживается съ каждымъ днемъ, но главное ихъ дѣло сдѣлано: пути на Петроградъ открыты для нѣмцевъ. А тутъ еще газеты передаютъ неслыханныя фантастическія вѣсти.

Въ теченіе послѣднихъ дней въ Петроградѣ можно видѣть массу германскихъ и австрійскихъ военноплѣнныхъ. Имѣется даже штабъ-квартира германскихъ военноплѣнныхъ, въ которой ежедневно собираются находящіеся въ Петроградѣ и его окрестностяхъ военноплѣнные и военнообязанные въ офицерскихъ и даже генеральскихъ чинахъ. Работающіе у станціи Тосно по проведенію желѣзнодорожной вѣтки германскіе и австрійскіе военноплѣнные въ настоящее время совершенно прекратили всякую работу и занялись обученіемъ военному строю.

Какъ сообщаетъ «Воля Народа» въ генеральномъ штабѣ имѣются совершенно опредѣленныя данныя о предполагающейся въ ближайшіе дни попыткѣ правительствъ воюющихъ съ нами центральныхъ державъ захватить Петроградъ при посредствѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ германскихъ и австрійскихъ военноплѣнныхъ, которые постепенно стекаются къ столицѣ и исподволь вооружаются.

Маски сброшены. И изъ-подъ колпака санкюлота выглядываетъ холеная и наглая физиономія нѣмецкаго лейтенанта. Великолѣнные пруссаки, быть мо-

жетъ, не сегодня-завтра загремятъ саблями по тротуарамъ Петрограда. Впрочемъ, рѣшатся или не рѣшатся на такую авантюру петербургскіе доброжелатели Германіи, не такъ ужъ важно. Путь для оккупации Россіи теперь немало. Но что если ошиблись октябрьскіе герои? Что если суждено Россіи воскреснуть? Вѣдь, и Франція 1792 года была разрушена,

казалось, до конца. Если въ Россіи въ самомъ дѣлѣ была Революція, а не случайный и слѣпой бунтъ, есть надежда на спасеніе страны, несмотря ни на что. Освободившійся народъ долженъ найти себя, свое лицо.

Борисъ Кремневъ.

6 декабря 1917 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ.

М. Г. Анатолий Васильевич!

Въ маѣ 1907 г. во Флоренці намъ приходилось встрѣчаться довольно часто, вмѣстѣ бродить по городу, который вы любили, бесѣдовать объ итальянскихъ художникахъ, дѣлить маленькія жизненные невзгоды и быть въ тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя естественны между писателями, имѣющими если не всѣ, то нѣкоторыя общія устремленія.

Прошло десять лѣтъ. Нынѣ, игрой фатальныхъ общественныхъ силъ, вы сдѣлались «министромъ». Въ вашемъ письмѣ - крикъ о выходѣ изъ «правительства»,—письмѣ, связанномъ съ вѣстями о разрушеніи Кремля, насиліями и терроромъ вашей партіи, я какъ будто почувствовалъ того человѣка, съ которымъ былъ знакомъ. Я не удивился, что вы пожалѣли сокровища Эрмитажа, кремлевскія башни, дворцы, зубцы на стѣнахъ, напоминающіе Castel Vecchio въ Веронѣ.

Но это была минута. Вы опомнились, и на другой же день вернулись. Вы не протестовали противъ цензуры социалистическихъ газетъ, противъ принятаяго центральнымъ комитетомъ вашей партіи рѣшенія о закрытіи всѣхъ «буржуазныхъ» газетъ—вы, русскій писатель!

Вы пошли еще дальше. Уже отъ своего имени, какъ плодъ собственнаго литературнаго дара, выпустили вы циркуляръ по своему министерству, гдѣ

говорится, что учителя, бойкотирующіе учителей большевиковъ и вовлекающіе въ это учащихся, будутъ подвергаться аресту.

Я никогда не считалъ васъ невмѣняемымъ. Насколько знаю, вы не страдали психическими заболѣваніями. Вы и не алкоголикъ. За дѣйствія свои вы отвѣчаете, и не можете не понимать, что они хуже дѣйствій, напримѣръ, покойнаго Кассо. Остается предположить, что въ васъ есть черты, которыхъ раньше я не замѣчалъ, прискорбныя черты нравственной одичалости.

Всякой снисходительности предѣлы есть. Нельзя быть писателемъ и дружить съ полицейскимъ. Сколько ни печально и ни тяжело это, все-же долженъ признать, что съ такими «литераторами», какъ вы,—мы, настоящие русскіе писатели, годами работающіе подъ стягомъ искусства, просвѣщенія, поэзии—общаго ничего имѣть не можемъ. Я пишу это только за себя. Но увѣренъ, что никто изъ соратниковъ моихъ не будетъ съ вами, равно и нѣ одна литературная организация.

За вами—штыки и солдаты, могущіе арестовать любого изъ насъ, безъ суда и слѣдствія держать въ тюрьмѣ. За нами—традиція великой русской литературы, духъ истинной свободы и правды.

Борисъ Зайцевъ.

16 ноября. С. Притыкино.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

БРОШЮРЫ:

1. ПР.-ДОЦ. П. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалія). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. П. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскіхъ учредительныхъ собранія (1613 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. ВОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГЛИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСЕЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печатается).
8. ПРОФ. В. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время. Ц. 1 р.
10. ПР.-ДОЦ. О. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода. Ц. 40 к.
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція. Ц. 30 к.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Цѣна 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Вакуничъ и бунтари 1917 года. Цѣна 30 коп.
14. ПРОФ. А. О. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи. Ц. 30 к.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Вѣзда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. 2-е изд. Ц. 30 к.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. Ц. 60 к.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и неделимая Россія. Ц. 30 к.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками? Ц. 40 к.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхование отъ безработицы. Ц. 30 коп.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны статьи и очерки, слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороваговской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковского, Вячеслава Иванова, Н. М. Иорданскаго, прив.-доц. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Корovina, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, пр.-доц. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Георгія Чулкова и др.

Адресъ конторы: Москва Б. Дмитровка, 13, кв. 18, Тел. 2-39-96.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.